

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА И ЧАСТИЦЫ КАК СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, 02031151 группы
Ивахненко Юлии Владиславовны

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Нагорный И.А.

БЕЛГОРОД 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В ЛИНГВИСТИКЕ	7
1.1. Развитие теоретических идей в исследовании категории модальности.....	7
1.2. Категория модальности в соотношении с категорией оценочности	12
1.3. Категория модальности и категория эмоциональности.....	21
1.4. Языковые средства выражения модальности.....	25
Выводы по I главе	29
ГЛАВА II. МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА И ЧАСТИЦЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	31
2.1. Модальные слова как вербализаторы модально-оценочной информации в тексте	31
2.2. Вопрос о модальных словах в грамматической традиции.....	33
2.3. Лексико-семантические разряды модальных слов в тексте.....	35
2.4. Русские частицы как объект изучения в лингвистике	39
Выводы по II главе	45
ГЛАВА III. ТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ	47
3.1. Текстовые функции модальных слов	47
3.2. Функции модальных частиц в тексте.....	59
Выводы по III главе	64
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	65
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	68
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	74

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Смещение фокуса в лингвистических исследованиях с формального подхода на семантический обусловлено возрастанием интереса к фигуре человека в языке. Это в корне иной ракурс рассмотрения языка: последний изучается уже не как самостоятельная система, не зависящая от человека, но как система, неразрывно связанная с личностью и языковым сознанием, являющаяся инструментом оформления и выражения мыслительной деятельности личности, его менталитета, а также незаменимым средством коммуникации. Соответственно, что и текст при данном подходе не может рассматриваться изолированно от производящего его лица, поскольку любой текст – продукт мышления человека, рожденный с определенной целью. В «Коммуникативной грамматике русского языка» исчерпывающе выражена эта мысль: «Нет ни одного текста, не порожденного коммуникативными намерениями субъекта речи и не отражающего в своей структуре ту или иную пространственно-временную позицию его по отношению к сообщаемому» [Золотова, 1998, с. 20]. Но нельзя считать, что данный подход предполагает превалирующую позицию человека над языком, это скорее отношения взаимодействия, взаимовлияния: ведь как человек влияет на язык, окрашивает его своей индивидуальностью, так и язык влияет на человека, его сознание и мысли, формирует менталитет.

С антропоцентричностью языка неразрывно связано понятие модальности, так как именно модальность является своего рода оформителем антропоцентрического смысла.

Категория модальности в связи со своими функциональными особенностями, многоплановостью и специфичностью языкового выражения пока так и не получила исчерпывающего объяснения. Точки зрения лингвистов относительно определения этой сложной языковой категории существенно разнятся.

Одновременно являясь и грамматической, и понятийной категорией, модальность выражает отношение сообщаемого к реальности, устанавливаемое говорящим. В разных языках отношение высказывания к действительности выражается с помощью синтаксических, морфологических, лексических средств, на основании чего правомерно относить модальность к универсальным категориям.

Среди многообразия средств выражения модальности отдельное место занимают модальные слова и частицы. Их основное назначение – внесение в смысловую структуру высказывания целого ряда оттенков, выражающих отношение говорящего лица к сообщаемой им информации. Это такие значения, как уверенность – неуверенность, определенность – неопределенность, эмоционально-экспрессивная оценка, акцентирование (подчеркивание, усиление).

Модальные слова и модально-персуазивные частицы (далее – МС и МПЧ) – недостаточно полно изученные явления в лингвистике. Ведь являясь средствами выражения модальности, МС и МПЧ многофункциональны и эксплицируют в высказывание множество субъективных смыслов, а их семантика достаточно обширна и красочна. Более того, их семантика не является конечной, фиксированной: попадая в различные контексты, они способны по-разному видоизменять смысловой оттенок высказывания. Это еще раз подчеркивает многофункциональность модальных слов и богатство модальных значений, выражаемых этими словами. Из сказанного следует, что данная тема является обширным полем для новых исследований, актуальность которых неоспорима. В связи с этим представляется целесообразным проследить реализацию столь разнообразных модальных смыслов, проанализировать их, классифицировать.

Объект исследования: модальные слова и частицы как средство организации текста.

Предмет исследования: реализация в тексте модальными квалификаторами значений персуазивности (достоверности и вероятности).

Цель работы: анализ модальных слов и модальных частиц с точки зрения их участия в семантической организации текстового пространства.

В соответствии с объектом, предметом и целью в исследовании были поставлены и решались следующие задачи:

1. Изучение состояния вопроса в научно – методической литературе.
2. Оценка понятий «модальность» и «модальные слова», «модальные частицы».
3. Описание текстовых функций модальных слов и частиц:
 - а) репрезентация точки зрения говорящего
 - б) прагматическое воздействие на адресата
 - в) донесение оценочных смыслов

Теоретико-методологической основой исследования являются работы В.В. Виноградова, Т.Г. Винокур, Е.М. Вольф, Г.А. Золотовой, Г.В. Колшанского, Т.П. Ломтева, И.А. Нагорного, Н.Ю. Шведовой.

В работе использовались следующие **методы исследования:**

- 1) описательный метод (подбор и исследование материала о категории модальности, средствах её выражения, модальных словах и частицах и их разрядах и функциях);
- 2) структурный метод (в работе рассматривается связь категории модальности с другими категориями, близкими антропоцентрической направленностью – категорией оценочности и эмоциональности);
- 3) метод сплошной выборки (для того, чтобы проследить реализацию модально-персуазивной семантики, выражаемой модальными словами со значением персуазивности и модально-персуазивными частицами, и выявить их участие в организации текста, был произведен сбор фактологического материала).

Практическая значимость работы заключается в том, что рассмотренный материал может быть использован на факультативных занятиях по русскому языку, а также при чтении курсов морфологии современного русского языка и синтаксиса.

Материалом для исследования являлись произведения русских писателей (Ф.М. Достоевский, М.А. Булгаков, А.П. Чехов, И.С. Тургенев, И.А. Бунин, Е.И. Замятин и др.). Количество иллюстративного материала составило 250 примеров.

Структура работы: дипломная работа состоит из Введения, трех глав, Заключения и Списка научной и иллюстративной литературы.

ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Развитие теоретических идей в исследовании категории модальности

Категория модальности – сложный феномен, состав значений и языковая природа которого рождает самые различные, порой противоречивые точки зрения. Многие авторы включают в состав модальности разнородные по функциональному назначению и по своей сущности значения, что делает категорию модальности неопределенной, её рамки размытыми.

Проблема категории модальности рассматривается не только в лингвистике, но и в логике, так как модальность – область языковых явлений, непосредственно связанная с мышлением и логическим строем. Само понятие «модальность» заимствовано лингвистикой из формальной логики.

Категории модальности посвящено немало работ известных лингвистов. Изначально модальность рассматривалась, как вторичное образование от модальности логической. По мнению швейцарского лингвиста Ш. Балли, одного из первых затронувшего в своей работе категорию модальности, «логическая функция модальности заключается в выражении реакции мыслящего субъекта на его представление» [Балли, 1955, с. 234].

Занимаясь разработкой теории высказывания, лингвист выделил в последнем два главных элемента – это основное содержание, получившее название «диктум», и индивидуальная оценка излагаемых фактов, наименованная термином «модус». Балли позиционирует модальность как активную мыслительную операцию, которую говорящий субъект производит над представлением, содержащимся в диктуме. Модус образуют модальный глагол и модальный субъект [Там же, с. 44].

Ввиду схожести терминологии представляется немаловажным разграничение понятий «модальность» и «модус». Так, модус является

субъективно-оценочным компонентом семантики высказывания. Модус включает в себя ряд категорий: метакатегории, квалификативные, актуализационные и социальные категории. Метакатегории несут в себе информацию непосредственно об акте говорения. В актуализационные категории включаются части категории предикативности, которые выражаются в лице, времени и модальности. Авторизация, оценочность и персуазивность относятся к квалификативным категориям. Их функция – маркировать информацию с точки зрения источника её восприятия, достоверности, выражения говорящим его отношения к реальному положению дел. Социальные же категории характеризуют статус автора по отношению к адресату. Что касается субъективной модальности, то под ней понимается отношение автора к сообщаемой им информации, которое выражает целый комплекс значений акцентирования (усиления), эмоционально-экспрессивной оценки, согласия или несогласия и др.

Таким образом, понятие «модус» включает в себя более обширный контекст синтаксических модальных значений, потому расширяется комплекс средств, выражающих субъективные смыслы в высказывании.

Возвращаясь к работе Балли, нужно сказать, что по его мнению каждое предложение имеет модальность. Он считает модальность синтаксической категорией, которая представлена разноуровневыми по сложности конструкциями. Балли называл модальность «душой предложения» [Там же, с. 44].

Сторонники логико-семантических концепций (Ш. Балли, В.В. Виноградов, Н.Е. Петров, П. Адамец) связывают категорию модальности с понятием модуса. К области модальности исследователи относят коммуникативную направленность высказывания и значения эмоционального плана.

По мнению В.В. Виноградова, категория модальности имеет тесную связь с предложением и многообразием его типов. Ведь предложение является транслятором действительности и выразителем отношения

содержания речи к реальному положению дел. Модальное значение – указание на соотнесенность с действительностью – немаловажный признак любого предложения. Для отражения фактов действительности любое полноценное выражение побуждений, чувств, мыслей воплощается в форме какой-либо интонационной схемы предложения, которая выражает одно из синтаксических значений, многообразие которых в сумме составляет категорию модальности [Виноградов, 1950, с. 41].

Таким образом, В.В. Виноградов абсолютно конкретно разграничивает модальность лингвистическую и логическую.

Аналогичной точки зрения придерживается и Г.П. Немец: модальность логическая и лингвистическая должны быть дифференцированы. Что касается лингвистической модальности, то ее сущность составляется формальными единицами грамматического выражения разнообразных аспектов отношения содержания речи к действительности. Модальность же логическую лингвист связывает с понятием реальности/ирреальности: логическая модальность реализуется в суждении о действительности или возможности явления, его необходимости. В лингвистической модальности понятие реальности/ирреальности довольно относительно.

Данная точка зрения также отражена в «Русской грамматике». Грамматические свойства структурной схемы предложения позволяют акцентировать сообщаемое как реально происходящее в настоящем, прошедшем или будущем времени или как мыслимо возможное, желаемое, что наглядно отражает противопоставление по временной определенности – неопределенности, другими словами – реальности/ирреальности [Шведова, 1980, с. 6].

Г.А. Золотова позиционирует модальность как сложный феномен, включающий разного рода модальные характеристики, которые проявляются в структуре предложения, порой накладываясь одна на другую [Золотова, 1982, с. 140]. Модальность рассматривается лингвистом как «субъективно – объективное отношение содержания высказывания к действительности с

точки зрения его реальности, соответствия или несоответствия действительности» [Там же, с. 142]. Таким образом, Г.А. Золотовой выделяется два типа модальности: реальная (прямая) и нереальная (ирреальная).

Существует и другая точка зрения, содержание которой составляет логико-семантический подход, в рамках которого логическая и лингвистическая модальности непосредственно связаны. Отражение такой концепции имеет место в работах В.З. Панфилова, Н.Д. Арутюновой, Т.И. Дешериевой. Ключевой момент состоит в сопоставлении суждения и предложения. По мнению В.З. Панфилова, модальность – предмет исследования логики в той же мере, что и языкознания. В логике модальность изучается как важный признак суждения как формы мышления. В лингвистике же модальность является одной из основных характеристик предложения как языковой единицы [Панфилов, 1977, с.37]. В.З. Панфилов дифференцирует онтологическую и персуазивную модальности, иначе говоря – объективную и субъективную. В первой отражаются объективные связи, наличествующие в ситуации, которая является познаваемой – это связи возможные, действительные и необходимые. Оценка говорящим степени того, насколько познаны эти связи, другими словами – степени достоверности высказывания, отражающего эту ситуацию – есть содержание субъективной модальности. В нее включена простая, категорическая и проблематическая достоверности. В структуре суждения В.З. Панфилов выделяет два уровня. На первом уровне суждение определяется как пропозициональная функция, а его структура образуется посредством предиката и аргументов. На втором уровне – суждение образуют логические субъект и предикат (понятие о предмете и его признаке), что позволяет определять суждение как субъектно-предикатную структуру [Там же, с. 40]. Первый уровень лингвист относит к синтаксическому членению предложения, к актуальному же членению – второй.

О субъективной и объективной модальности иная точка зрения выявляется у В.Г. Колшанского. Он считает, что грамматический строй предложения и его логический состав, как целое, содержат мысль, которая противостоит объективности как субъективное выражение некоторой стороны реальности. В каждой мысли содержится момент отражения, а достоверность высказывания каждый раз определяется в зависимости от уровня осведомленности говорящего [Колшанский, 1975, с. 96].

Т.И. Дешериевой модальность трактуется как отношение автора к смыслу высказывания и отношение суждения к реальности. По ее мнению, любой компонент модальности и семантики содержит в себе элемент субъективности. В силу чего деление модальности на объективную и субъективную весьма условно [Дешериева, 1987, с. 41].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» понятию модальности дается следующее определение: «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [ЛЭС, с. 303]. Такая трактовка позволяет позиционировать модальность как многоаспектное явление.

Категорию модальности связывают с предикативностью – важнейшим признаком предложения. Отражение данной точки зрения имеет место в работах П.А. Леканта. Он характеризует предикативность как соотнесенность смыслового наполнения предложения с действительностью, которая выражена взаимодействием синтаксических средств: порядком слов и интонацией, служебными словами, формами слов. Свое выражение предикативность находит в следующих грамматических категориях: синтаксическое время, синтаксическая модальность и синтаксическое лицо. Каждая категория по-своему выражает какой-либо аспект соотнесения высказывания и реальности, который устанавливается говорящим лицом [Лекант, 1986, с.5-6]. Такая характеристика предикативности позволяет назвать модальность важнейшей составляющей предложения, его

формирования. По П.А. Леканту, модальность – это то, как говорящий оценивает содержание с позиций достоверности, реальности, возможности и т. д. Значение реальности-ирреальности – основное модальное значение предложения, являющееся результатом объективной оценки содержания говорящим. Выразителями объективно-модальных значений реальности/ирреальности являются формальные средства. Проявление реальности – формы изъявительного наклонения глагола, ирреальность же выражается посредством значений вопросительности, желательности, побудительности и т. д. [Там же, с. 5-6].

Подводя итог, нужно сказать, что категория модальности – одна из наиболее сложных и неоднозначных категорий в лингвистике. Несмотря на некоторые расхождения взглядов ученых в отношении данной категории, точки соприкосновения обнаруживаются в том, что основа категории модальности – отношение содержания высказывания к действительности с позиций реальности-ирреальности (В.В. Виноградов, Г.А. Золотова и др.). Особого внимания заслуживает подход П.А. Леканта, в котором модальность рассматривается как средство выражения предикативности (как и синтаксическое время и синтаксическое лицо). Придерживаясь данного подхода, модальность мы будем трактовать как категорию предложения, которая участвует в формировании предикативности как отношения высказывания к действительности с позиций реальности, желательности, возможности, достоверности, вероятности, целесообразности, необходимости.

1.2. Категория модальности в соотношении с категорией оценочности

Модальность сближается с категорией оценочности главенствующей ролью человеческого фактора, на основании чего целесообразно рассмотреть взаимоотношения этих двух категорий. Оценка, являясь продуктом мышления человека, отражает его отношение к миру, другим людям, предметам, явлениям; в ней проявляется внутренний мир человека,

его чувства и переживания. Важность изучения оценочности в языке обусловлена антропоцентризмом современной лингвистики. Оценка пронизывает собою весь язык: каждое слово связывается с какой-либо степенью, с каким-либо видом коннотации или с возможностью коннотации, которая реализуется в разных ситуациях. Оценка как бы разливается по всему словарному составу языка. Этот факт позволяет причислить оценочность, признанную лингвистами самостоятельной категорией, к одной из семантических универсалий языка. Своими корнями понятие «оценка» уходит в логику, аналогично понятию модальности, на основании чего правомерно обратиться к логике и рассмотреть, каким образом в данной науке соотносятся понятия оценки и модальности.

Для дифференциации оценки и того, что ею не является, используют оппозицию «описывать-оценивать». В данном случае рассуждение описывающее (дескриптивное, информативное, индикативное) противопоставлено рассуждению оценочному. Когда такая оппозиция становится значением предложения, она делит их на теоретические (индикативные) и оценочные (аксиологические) предложения. Первыми являются такие предложения, которые сообщают о фактах действительности, описывают ее, указывают, какая она и каковой не является. Оценочными же являются такие предложения, содержанием которых выступает мнение говорящего о том, что он считает важным / плохим / безразличным [Ивин, 1970, с.11].

Следовательно, в логике понятие модальности трактуется как отношение высказывания к действительности, оценка же понимается как высказывание о ценности, под последней понимают какой-либо предмет интереса, стремления, желания [Там же, с.13]. Данные определения позволяют утверждать, что понятия модальности и оценки разграничиваются по логическому содержанию и языковому смыслу предложения, в которые они трансформируются. Помимо такой точки зрения имеет место и иная, суть которой состоит в том, что оценку относят к модальности.

Факт отнесения оценки к модальным значениям прежде всего зависит от глубины понятия модальности, так как лингвисты в данное понятие вкладывают разный смысл. В одной части случаев понятия «модус» и «модальность» включают комплекс смыслов возможности, невозможности, необходимости. В ряде иных случаев «модус» и «модальность» имеют более широкий смысл и включают понятия: «полагает», «знает», «обязательно», «доказуемо» [Там же].

Проблема соотношения категории оценочности и категории модальности имеет статус спорного вопроса как в логике, так и в лингвистике. А.В. Бондарко, высказываясь на этот счет, пишет, что модальность в современном русском языке трактуется очень широко, в силу чего сложно найти даже двух лингвистов, одинаково понимающих модальность [Бондарко, 1984, с. 67]. Основной спорный момент – вопрос относительно объема данного понятия, а потому и о границах этого языкового явления. Потому выявить, как соотносятся оценка и модальность как языковые явления, возможно лишь определив позиции в отношении к каждому из них. Наиболее распространена точка зрения о том, что под оценкой понимают отношение субъекта к объекту, другому субъекту, явлению; суждение говорящего лица и его одобрительное или неодобрительное отношение, поощрение, желание и т. д. [Ахманова, 1969, с. 305]. Оценка, выражаемая различными языковыми средствами, становится свойством языковых компонентов, которое Н.А. Лукьяновой именуется как оценочность. Упомянутые определения являются наиболее общими. Лингвисты же, занимающиеся проблемой оценки в языке, предлагают рассматривать ряд критериев оценки, что позволит конкретизировать характер отношений между субъектами, субъектом и объектом, субъектом и явлением. Классификация оценочных значений, являющаяся наиболее полной, принадлежит Н.Д. Арутюновой. В работе «Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт» один из основных объектов исследования – оценочное значение, интерпретация которого представлена в широком и

узком смысле. Так, общеоценочное значение – оценочное значение, когда объект, субъект или явление подвергаются оценке по критерию «хорошо/плохо», такая языковая структура именуется «собственно оценочной» [Вольф, 1985, с.40]. Также у Н.Д. Арутюновой упоминается о частнооценочном значении, оценивающим какой-либо один аспект субъекта или явления по признаку полезности, эффективности, нравственности и др. [Арутюнова, 1988, с.75-76]. По В.И. Шеховскому, оценка – это оценочная сема. Последняя представляет собой микрокомпонент слова, который классифицирует оцениваемый предмет или свойство данного предмета как «хорошее» или «плохое» в отношении к социальным нормам.

Изложенные определения оценки в лингвистике имеют ряд общих признаков оценочного значения:

- 1) учитывая, что оценки не существует вне человека – обязательно, чтобы присутствовал объект;
- 2) содержится выражение отношения субъекта к субъекту, объекту или явлению;
- 3) субъект, объект или явление должны классифицироваться как хорошие/плохие;
- 4) оценочное значение соотносится с действительным или идеализированным миром.

Указанные признаки оценочного значения позволяют проанализировать разнообразие подходов к интерпретации модальности в языке, чтобы выяснить, как соотносятся оценка и модальность. Результаты проведенного анализа таковы: отмечается три основных точки зрения относительно соотношения данных категорий. Суть первой в том, что оценку относят к периферии модальности, второй – в разграничении оценки с модальностью, третьей – в тождестве оценки и модальности. Рассмотрим подробнее эти подходы.

Теория модальности в отечественной лингвистике начинает развиваться с работ В.В. Виноградова. Модальность он называет

грамматическим отношением, последнее может быть двоякого рода. Во-первых, это могут быть отношения объективно-синтаксические (между словами в предложении, словосочетании), во-вторых, отношения субъективно-объективные, модальные (отношение предложения (высказывания) к действительности) [Виноградов, 1950, с. 594].

А.В. Бондарко в определении модальности принимает подход В.В. Виноградова и рассматривает модальность как комплекс актуализационных категорий, которые дают характеристику отношения пропозиции к реальности по признакам реальности – ирреальности с точки зрения говорящего лица. Отношение к данным признакам представляется в значении:

- 1) возможности, необходимости, гипотетичности (актуальность – потенциальность);
- 2) оценки достоверности;
- 3) коммуникативной направленности высказывания;
- 4) утверждения-отрицания;
- 5) пересказывания – непересказывания (засвидетельствованности).

Лингвист частично связывает модальность с семантико-прагматической сферой оценки (качественной и эмоциональной) [Бондарко, 1984, с. 59-60].

Два изложенных определения содержат в себе признак отношения высказывания к реальной действительности, а такое отношение трактуется как «реальность в представлении говорящего лица». Такое представление и отражается в языковых модальных значениях [Там же, с. 64].

Итак, по мнению лингвистов, говорящее лицо (субъект) является обязательной составляющей модальной семантики, как и выражение отношения к действительности. Обязательное наличие говорящего и его отношения к высказываемому в совокупности с соотнесенностью с действительностью – общие для оценки и модальности моменты, на основании чего можно говорить об отнесении оценочного значения к периферии модальности. А.В. Бондарко рассматривает оценочность как взаимодействующую с модальностью

семантико-прагматическую сферу. Но подчеркивает отнесение оценки именно к периферии модальности, где отсутствуют четкие грани: специфические особенности категории модальности здесь размыты [Бондарко, 1984, с. 61].

Перечень языковых явлений, относящихся к модальности, представлен в работе «Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность». В целом различают шесть видов значений, которые имеют различные средства выражения (интонационные, лексические, грамматические):

1) оценка субъектом семантики высказывания с позиций реальности-ирреальности;

2) оценка ситуации, содержащейся в высказывании, с точки зрения необходимости, возможности, желательности;

3) оценка субъектом степени уверенности в достоверности информации, содержащейся в сообщаемом;

4) коммуникативная направленность высказывания (целевая установка субъекта). Предложения по данному признаку дифференцируют на повествовательные, вопросительные, побудительные и выражающие желание (оптативные);

5) значения утверждения-отрицания, которые отражают присутствие объективных связей между наличествующими в предложении предметами, явлениями:

6) оценка содержания высказывания (эмоциональная и качественная) [Бондарко, 1990, с. 67-68].

Совокупность данных модальных значений образует широкую трактовку модальности. Но многие лингвисты настаивают на узком понимании категории и ограничивают её содержание несколькими компонентами списка, причем один компонент обычно выделяют как основной. Одной из самых распространенных точек зрения является следующая: неизменное значение модальности – отнесенность содержания высказывания к действительности (1 тип). А.М. Пешковский пишет, что

категорией модальности выражается лишь одно отношение – отношение субъекта к устанавливаемой им связи между содержанием высказывания и реальной действительностью («отношение к отношению»). Таким образом понимаемая модальность имеет распространение на отношение говорящего к действию (говорящий должен, может, хочет совершить что-либо) (2 тип). И отношение субъекта к достоверности содержания высказывания (3 тип). Такая точка зрения относительно модальности отражена, например, в трудах Т.П. Ломтева «Предложение и его грамматические категории», В.Н. Бондаренко «Виды модальных значений и их выражение в языке», Л.С. Ермолаевой «Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения». Таким образом, становится очевидным, что узкая трактовка модальности предполагает разграничение оценочного и модального значений.

Третья точка зрения о приравнивании оценочного значения к модальному связана с более широким толкованием модальности, а, следовательно, и большим объемом этого понятия. Говоря об объеме понятия модальность, представляется необходимым упомянуть о понятии модуса. Дальнейшим развитием концепции Ш. Балли (в любом высказывании можно выделить «основное содержание (диктум) и модальную часть (модус), в которой выражается интеллектуальное, эмоциональное или волевое суждение говорящего в отношении диктума») явилось выделение типов модальности, основанное на функционально – семантической дифференциации модусов. В частности, Т.Б. Алисова различает два типа модальности: коммуникативную и субъективно – оценочную. Значит, если рассматривать модальность не только как отношение суждения к действительности, а шире, как модус, то оценочное значение можно определить как один из видов оценочной семантики. Н.Д. Арутюнова выделяет несколько типов модусов, значения которых распределены по следующим основным планам: перцептивному (сенсорному), ментальному (когнитивному, эпистемическому), эмотивному и волеизъявительному

(волитивному). К сенсорному плану принадлежат модусы, выражающие: 1) полагание (мнение), 2) сомнение и допущение, 3) истинностную оценку, 4) знание, 5) незнание, 6) общую аксиологическую оценку. К эмотивному плану принадлежат модусы эмоционального состояния и отношения. К волитивному плану относятся модусы: 1) желания и волеизъявления, 2) необходимости [Арутюнова, 1988, с. 109].

Данная классификация модусов включает оценку как общую аксиологическую, так и частную, так как выражение безразличия, сомнения, эмоций по поводу какого – либо объекта или события также являются оценкой. Это еще раз доказывает, что, если в понятие модальности вкладывать широкий смысл и рассматривать его как модус, то можно говорить об оценке как об одном из видов модальности, который Е.М. Вольф называет «оценочным модусом». Ученый пишет: «Оценочные высказывания, подобно другим модальным, можно описать посредством формулы, предложенной А. Прайором: «Это есть F, что P», где на место F подставляются самые разные модальные выражения: «Важно, что P», «Необходимо, что P», а также «Хорошо / плохо, что P». Очевидно, что формула А. Прайора не охватывает всех случаев оценки, так как она приложима лишь к оценкам, где от оценочного модуса зависит целая пропозиция: «Хорошо, что ты здесь». Логическое представление структуры оценки «Хорошо / плохо, что P», как, впрочем, и другие модальные формулы, для естественного языка является условным, так как в языке способы выражения оценки весьма разнообразны и далеко не всегда могут быть сведены к этой модели: «Она хорошо поет» не тождественно «Хорошо, что она поет» [Вольф, 1985, с.79].

Существует огромное количество оценочных слов (прилагательных, наречий, существительных), которые обозначают оценку какого – либо предмета, лица. Но их нельзя назвать оценочными модусами, так как к ним не применима модальная формула «Это есть F, что P», принадлежащая к модальности *de dicto*, в структуре которой «модальный оператор приписывается

предложению (суждению) [Вольф, 1985, с. 13]. Но существует еще один тип модальной структуры, модальная структура *de re*, «в форме которой оценочное выражение относится непосредственно к обозначению объекта» [Вольф, 1985, с. 14]. Значит, оценочное значение, выраженное отдельными словами, относится к модальности *de re*. Следовательно, все модальные значения (возможности, необходимости, истинности, достоверности и т. д.) относятся к структуре *de dicto*, тогда как оценочное значение может принадлежать как к структуре *de dicto*, так и к структуре *de re*.

Кроме перечисленных выше общих признаков оценки и модальности, позволяющих отнести оценочное значение к модальным, есть еще одна «точка соприкосновения» оценки и модальности, которой является наличие коммуникативной направленности, целевой установки употребления той или иной оценочной или модальной языковой структуры. Определяя свое отношение к содержанию высказывания и к действительности, говорящий выражает свои желания, стремления, побуждает к действию. В статье Анипкиной идет речь о коммуникативной направленности прямой оценки: «В случае прямой оценки иллокутивная сила речевого акта направлена на то, чтобы воздействовать определенным образом на эмоциональное состояние адресата» [Анипкина, 2000, с. 59]. А воздействие на эмоциональное состояние слушающего или читающего влечет за собой эмоциональную реакцию, какие-либо действия и, возможно, изменение поведения.

На основе проведенного анализа различных точек зрения на понимание оценки и модальности можно сделать следующие выводы. В логике нет единогласного мнения о соотношении оценки и модальности. Согласно одной точке зрения, оценка рассматривается дифференцированно от модальности, согласно другой – оценка считается одним из видов модальности. В лингвистике существуют по крайней мере три точки зрения на проблему соотношения оценочного и модального значений: 1) отнесение

оценки к периферии модальности (А.В. Бондарко, В.В. Виноградов); 2) дифференциация оценки и модальности (А.М. Пешковский, П.Т. Ломтев, Л.С. Ермолаева, В.Н. Бондаренко); 3) приравнивание оценки к модальности (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Ш. Балли).

Так как соотношение категории модальности и категории оценочности в первую очередь зависит от объема понятия модальности, считаем важным подчеркнуть, что мы придерживаемся широкого понимания модальности, выраженного в работе А.В. Бондарко. Правомерно учитывать и рассматривать все шесть типов модальных значений, в которых отражается действительность в представлении говорящего. Именно обязательное наличие говорящего и его отношение к высказыванию и соотнесенность с реальным миром – то, что объединяет оценку и модальность и определяет частичное включение оценочного значения в модальное.

Следующая категория, которую необходимо рассмотреть в соотношении с модальностью – категория эмоциональности. Такое сопоставление правомерно ввиду того, что в основе обеих вышеупомянутых категорий – превалирующая роль субъективного фактора: человек в языке, его отношение к действительности. Потому целесообразно выявить, каким образом между собой соотносятся категории модальности и эмоциональности.

1.3. Модальность и эмоциональность

Сопоставление в тексте градационно ведет к противопоставлению, которое часто осложняется оттенком уступки: уступка семантически предполагает возмещение или более сильную степень – замещение. Логическую оценку нельзя категорично противопоставить эмоциональной оценке. Рассматривая их когнитивную структуру, исследователи приходят к выводу о тесной связи интеллектуальных и эмоциональных процессов человеческой деятельности. Так, например, существует понятие

интеллектуальная эмоция. Но если, в целях осознания специфики, разводить интеллектуальную и эмоциональную системы человека, то следует сказать, что логическая оценка – это результат процесса мышления, интеллектуальной деятельности, языковыми маркерами которой являются следующие: *воображать, представлять, считать, полагать, понимать, осознавать; интуиция, озарение; доходить, осеять; знать, ведать; верить, догадываться, подозревать; помнить, запоминать, вспоминать, забывать* и т. п. Интеллектуальная деятельность локализуется в сознании (уме, голове) и выполняется им же. Семантические примитивы – «знать», «считать». Эмоции у человека локализуются в душе, сердце или в груди. Семантический примитив – «чувствовать» [Апресян 1995, с. 48]. Модальные реакции связаны с определенным эмоциональным состоянием говорящего, поэтому эмоциональность входит в модальность (через «я» говорящего). Эмоциональная экспрессия, в которой отражается эмоциональное отношение говорящего к предмету речи, является специфической формой выражения отношения человека к окружающему его миру, что дает объективные основания для включения эмоциональной экспрессии в категорию модальности. Категория модальности и категории эмоциональности, экспрессивности не тождественны содержательно, а находятся в отношениях части и целого. Категория модальности значительно шире. Категория эмоциональной экспрессии относится к внешней модальности и составляет ее ядро: в терминологии В.Б. Касевича (Касевич 1990), В.С. Храковского (Храковский 1986), модальность включает в себя два тесно взаимодействующих и взаимосвязанных типа, объективную и субъективную, или, другими словами, внутреннюю и внешнюю модальность. Внешняя модальность, в отличие от внутренней, относится ко всей пропозиции, в чем и реализуется тезис «эмоциональное отношение к предмету речи». При определении предмета речи доминирующей является внутренняя модальность, при определении эмоционального отношения – внешняя модальность. Эмоции, представляя собой чувственную форму познания как

непосредственную реакцию на внешний или внутренний раздражитель, основанную на удовлетворении потребности человека, в отличие от модальности, не являются фактором, конституирующим и определяющим характер суждения в логике. Возникновению эмоции в большинстве случаев предшествует восприятие или интеллектуальное созерцание какого-либо положения вещей и его интеллектуальная оценка как плохого или хорошего для субъекта, вероятного или маловероятного и т. п. [Апресян 1995, с. 48]. Все это объясняет феномен модальности эмоций. Кроме того, очень многие речевые акты диктуются разного рода эмоциями (ср. умолять, клеймить, бахвалиться, скулить в значении «жаловаться») или желанием вызвать определенные эмоции у адресата (стыдить, умолять, упрекать). Все средства передачи эмоциональности могут быть классифицированы по характеру значимости и интерпретированы в терминах абсолютных оценочных предикатов «хорошо / плохо», отсюда логично предположить, что эмоциональность, будучи по природе антропоцентрической, должна соприкасаться с оценочностью, которая не мыслима вне субъекта оценки.

«Эмотивность» как собственно «оценочность» в том смысле, который подразумевается в работе Е.М. Вольф (1985), лишь косвенно соотносится с эмотивностью в теориях эмотивистов, где это понятие подразумевает не просто отношение субъекта к объекту, но отношение, связанное с эмоциями. «Эмотивный» (собственно оценочный) компонент характеризует прежде всего глаголы, которые указывают лишь на отношение субъекта к объекту, но не обозначают свойств последнего, такие как нравиться / не нравиться, ценить, одобрять и т. п. «Эмотивность» содержится также в семантике глаголов эмоционального отношения радоваться, огорчаться, возмущаться и т.п. (радоваться – хорошо, возмущаться – плохо). Глаголы любить, нравиться, ненавидеть, восхищаться, восторгаться, негодовать и др., являясь средствами выражения эмоционально-оценочного отношения, градуированы по степени эмоционально-оценочной реакции субъекта. В соответствии с концепцией эмоциональности, любое слово языка эмотивно. Об этом

говорится в работах Ш. Балли, Л.Б. Бабенко, В.И. Шаховского. Индикаторами эмотивов являются фразеологизированные конструкции соответствующей семантики (например, вопросительные по форме высказывания, не имеющие собственно-вопросительного значения), междометные высказывания, прерванные предложения, эмоциональные паузы, парцеллированные, сегментированные, присоединительные конструкции, повторы, восклицательные высказывания, императивы, суффиксы со значением уменьшительности, ласкательности. Психологи утверждают, что в языке не может быть «прямого» отражения эмоций, но только такое, какое «снято» в языковых выражениях в формах пережитой эмоции или чувства. Так, Г. Шингаров замечает, что «в психологии понятие эмоции употребляется для сферы чувств – переживаний, а понятие эмотивности – для обозначения психических процессов, связанных с эмоциями, но несводимых к ним» [Шингаров 1971, с. 91]. Иными словами, эмоции описываются в языке его формами (исключением здесь можно считать междометные формы, которые не описывают, а сигнализируют об эмоциональном состоянии субъекта), а это означает, что они выражены не непосредственно (в виде сигнала), а опосредованно – в виде описания чувств – отношений или чувств – состояний. Поэтому необходимо различать текст, целью которого является выражение эмоции, эмотекст в строгом смысле слова, и текст – эмоциональную оценку.

Итак, подводя итоги рассуждения о соотношении эмоциональности – оценки – модальности, можно сказать, что эмоция задает определенный угол зрения субъекта, провоцирует положительную или отрицательную модальность; эмоциональное состояние говорящего активизирует его аксиологическую деятельность, провоцируя категоричность оценочного содержания, гиперболизацию достоинств и недостатков оцениваемого предмета или лица и т. д.

1.4. Языковые средства выражения модальности

Поскольку модальность – специфическая категория, которую интерпретируют как понятийную и грамматическую одновременно, средства её выражения также разнообразны: принадлежат к разным уровням современного русского языка.

Например, категория наклонения относится к грамматическим средствам выражения модальности. Категория наклонения выражает отношение действия (которое оформляется глаголом) к действительности с позиции говорящего лица. Выводится грамматическое значение форм наклонения из их речевого функционирования, которое предполагает присутствие субъекта, который констатирует действие и оценивает его как возможное, предполагаемое, желаемое и т. д., передавая свое отношение к действию. В современном русском языке существует 2 вида наклонений: прямое и косвенное, посредством которых высказывание оформляется по критерию временной определенности – неопределенности, который, в свою очередь, является ключевым для объективной модальности. Временная определенность выражается посредством прямого наклонения – объективно констатируется факт в его соотношении с действительностью.

Временная неопределенность оформляется с помощью косвенных наклонений – имеет место ирреальное событие (в действительности не происходившее, а существующее лишь в воображении субъекта, соответственно, вне реальной временной плоскости).

Говоря о средствах выражения модальности, необходимо также упомянуть об актуальном членении предложения (далее – АЧП), несмотря на то, что АЧП является скорее добавочным средством выражения модальности.

Актуальным членением создается коммуникативная структура предложения. Тема выражает то, что в данной ситуации является известным либо легко может быть понято и из чего исходит субъект, рема – то, что субъект сообщает о теме высказывания. Тема не несет в себе новой информации, её функция – связь с контекстом. Тема-рематическая

организация высказывания оформляется посредством различных языковых средств, среди них – порядок слов, интонация, лексические средства, синтаксические конструкции. Однако тема-рематическая последовательность сама по себе не является средством выражения модальности, она скорее выдвигает модальные значения на передний план, акцентирует на них внимание воспринимающего текст.

К лексическим средствам выражения модальности относятся модальные слова и частицы – их считают самыми распространенными средствами, репрезентирующими модальность. Поскольку семантика данных категорий слов отражает многообразие оттенков отношения говорящего к сообщаемому, их относят главным образом к средствам выражения субъективной модальности. Посредством модальных слов говорящий оценивает содержание своего высказывания или его части с позиции их отношения к действительности. Частицы же определяют как «служебные слова, придающие дополнительные смысловые и модальные оттенки предложениям и отдельным словам или служащие для выражения различных грамматических отношений» [Розенталь, 2010, с. 349]. Нередко модальные слова близки к частицам, что может осложнять их разграничение.

Модальные слова, включаясь в высказывание, вносят в него ряд модальных значений, образуя своего рода второй смысловой уровень: к информации, сообщаемой говорящим, добавляется авторская точка зрения относительно данной информации. Другими словами, высказывание становится «окрашенным» авторским сознанием: его оценкой, мнением, эмоциями, в зависимости от того, какую цель преследует автор в конкретном коммуникативном процессе. Высказываясь по поводу какого-либо события или явления, для автора может быть необходимым добавить информацию о степени своей уверенности в достоверности данного высказывания.

Так, подчеркнуть свою абсолютную уверенность в сообщаемом автор может при помощи модальных слов со значением уверенности / достоверности: ***Несомненно**, жизнь его тяготила; она ему представлялась*

изнурительной, исполненной тайной злости (В.Ф. Ходасевич); *Петя ушел, и Дима, как единственный мужчина семьи, естественно, делался её защитником* (Н. Федорова). В ряде других случаев, когда говорящий сомневается в достоверности сообщаемой информации или обладает неполными сведениями о событии / явлении – его целью, в том числе, является уведомить об этом слушающего. Здесь включение модальной семантики является еще более правомерным: передавая информацию, автор также предупреждает слушателя о том, что не располагает исчерпывающим знанием о том событии / явлении, о котором сообщает, тем самым, возможно, снимает с себя часть ответственности за возможную дезинформацию. Семантика сомнения, предположения передается модальными словами со значением вероятности: *Вы ведь, кажется, говорили, что он даже с довольным комфортом устроился* (Ф.М. Достоевский); *Васька был шире, крепче и, возможно, даже сильнее* (А. П. Гайдар).

Также видом «добавочной» информации в высказывании, относящейся к самому говорящему, является эмоциональная реакция последнего по отношению к информации, сообщаемой им в высказывании. В этих случаях автор, излагая информацию, попутно передает своё эмоциональное отношение к ней: выражает радость или досаду, огорчение по поводу того, о чем сообщает: *К счастью, берег постепенно выравнивался, и мы скоро добрались до лошадей* (И.А. Ефремов); *Но, к счастью, мессир, я не женат, и скажу вам прямо – счастлив, что не женат* (М.А. Булгаков). *Но вашим соседом я, к сожалению, больше быть не могу* (М.А. Булгаков). *К сожалению, адрес дать не могу, Альберт Альбертович...* (М.А. Булгаков).

Частицы – специализированное средство выражения модальности высказывания. Такое положение частиц диктует их грамматическая сущность: частицы не имеют самостоятельного реального значения, но вносят добавочную семантику (оттенки) в значения других слов, высказываний. Также частицы используются с целью выражения разного рода отношений (логических, экспрессивных). Использование частиц

определяется коммуникативными намерениями субъекта. Это может быть намерение воздействовать на адресата; выразить субъективное отношение к информации, содержащейся в высказывании.

Так, модальное значение неопределенности, неясности может передаваться посредством частицы **что ли**: *Не видели, что ли, как люди живут?* (К.Г. Паустовский). Модальное значение действия, которое началось или же только предполагалось, но не осуществилось, было прерванным, может выражаться посредством частицы **было**: *С улицы городской просунул было на двор голову и крикнул дворникам..* (И.А. Гончаров). Для акцентирования оптимальности признака, его соответствия желаемому, цели может использоваться частица **как раз**: *Приходил он позже всех нарочно, как раз в то время, когда сырые от типографской краски газетные листы уже вылетали из печатных машин* (К.Г. Паустовский). Для того, чтоб подчеркнуть, что обозначаемый признак близок к проявлению, но не выражать это категорически, используется частица **чуть ли не**. В основном это выражение преувеличения признака. *Уголки её губ чуть ли не улыбались* (А.Н. Толстой). Иногда есть необходимость указать, что какой-либо признак (ситуация, предмет), стоящий в ряду однородных признаков, проявляет себя как наименее ожидаемый, необычный, не соответствует предположению на его счет, а также подчеркнуть его, усилить. Такую функцию выполняет, в том числе, модальное слово **даже**: *Лувен, конечно, если бы даже и глядел назад, ничего бы не мог заметить* (М.М. Пришвин); *Смотрели её разные люди, говорили, что такой работы не было, должно быть, даже в итальянской земле* (К.Г. Паустовский). Однако гамма модальных значений, передаваемая модальными частицами, настолько широка, что далеко не исчерпывается приведенным перечнем.

Таким образом, сама природа модальности, её многоплановость и специфичность обуславливают и разнообразие средств ее выражения.

Выводы по I главе

Категория модальности является одной из наиболее сложных категорий в синтаксической науке. Взгляды лингвистов относительно объема понятия модальности различаются, однако ученые сходятся в том, что в основе данной категории лежит отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения его реальности и ирреальности. Считаем правомерным рассматривать категорию модальности как средство выражения предикативности (наряду с категориями синтаксического времени и синтаксического лица). Следовательно, под модальностью мы понимаем такую категорию предложения, которая формирует предикативность как отнесенность высказывания к действительности с точки зрения реальности, возможности, желательности, достоверности, необходимости, целесообразности, вероятности и т. д.

На основании того, что категория модальности сближается с категорией оценочности и эмоциональности из-за преобладающей антропоцентрической направленности, в работе было рассмотрено соотношение модальности с данными категориями.

Анализ различных точек зрения относительно соотношения оценки и модальности позволяет сделать следующие выводы. В логике, согласно одной точке зрения, оценка рассматривается дифференцированно от модальности, а согласно другой – оценка считается одним из видов модальности. В лингвистике существуют, по крайней мере, три точки зрения на проблему соотношения оценочного и модального значений: отнесение оценки к периферии модальности; дифференциация оценки и модальности; приравнивание оценки к модальности.

Мы придерживаемся широкого понимания модальности и считаем, что представляется вполне обоснованным считать оценочное значение одним из видов модального значения (периферийное включение оценки в модальность).

Подводя итоги рассуждения о соотношении эмоциональности и модальности, можно сказать, что эмоция задает определенный угол зрения субъекта, провоцирует положительную или отрицательную модальность; эмоциональное состояние говорящего активизирует его аксиологическую деятельность, провоцируя категоричность оценочного содержания, гиперболизацию достоинств и недостатков оцениваемого предмета или лица и т. д.

При рассмотрении категории модальности уместно обозначить и языковые средства ее выражения:

1) наклонение – морфологическое средство (как выражение отношения высказывания к действительности с позиции реальности-ирреальности);

2) актуальное членение (синтаксическое средство, скорее добавочного характера);

3) модальные слова и модальные частицы (МС и МЧ) – лексическое средство (как выражение отношения говорящего к высказываемому по критерию достоверности-недостоверности или эмоциональной оценки).

МС и МЧ – специализированные языковые средства, наиболее распространенные для выражения модальных значений. Данные категории слов способны вносить в высказывание множество субъективных смыслов, окрашивать высказывание авторским мнением, индивидуальностью.

Посредством модальных слов говорящим оценивается содержание высказывания или его части с позиции их отношения к действительности. Частицы же придают добавочные смысловые и модальные оттенки высказыванию или отдельным словам, а также служат для выражения различных грамматических отношений. Разграничение модальных слов и частиц в некоторых случаях затруднительно.

В работе особое внимание уделено именно последним средствам, потому далее целесообразно рассмотреть вопрос о данных группах слов в грамматической традиции, их функции и разряды.

ГЛАВА II. МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА И ЧАСТИЦЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Модальные слова как вербализаторы модально-оценочной информации в тексте

На основе анализа смысловой структуры слова (В.В. Виноградов) выделяются четыре основных грамматико – семантических категории слов, одна из которых – модальные слова (наряду с частями речи, частицами речи и междометиями).

Модальные слова также лишены номинативной функции, как и связочные слова. Однако многие из них не принадлежат в той степени, как связочные, служебные слова, к области формально-языковых средств. Они более «лексичны», чем связочные слова. Они не выражают связей и отношений между членами предложения. Модальные слова как бы вклиниваются или включаются в предложение или же прислоняются к нему. Они выражают модальность сообщения о действительности или являются субъектно-стилистическим ключом речи. В них находит свое выражение сфера оценок и точек зрения субъекта на действительность и на приемы ее словесного выражения: *Конечно, он хотел вознаградить за годы труда прежде всего себя; однако рад был и за жену с дочерью* (И.А. Бунин). Модальные слова отмечают наклон речи к действительности, обусловленный точкой зрения субъекта, и в этом смысле отчасти сближаются с формальным значением глагольных наклонений. Как бы введенные в предложение или присоединенные к нему, модальные слова оказываются за пределами и частей речи, и частиц речи, хотя по внешности могут походить и на те, и на другие: *Несомненно, меня спасало только то, что я был любителем, а не профессионалом* (М.М. Пришвин); *Бросить его? Разумеется, надо бросить. И как он ко мне в руки попал* (А.Н. Островский).

Модальные слова в живом процессе речи не примыкают к одним и тем же членам предложения и не служат определением или распространением слов какого-нибудь одного или нескольких грамматических классов. Они стоят вне связи с какими-нибудь определенными частями речи, выражают модальность высказывания в целом или отдельных его компонентов. Иногда они выступают в роли стилистического ключа, открывающего модальность предложения: *Должно быть, он давно уже тут стоял: его пальто и барашковая шапка промокли от дождя* (В. Ф. Панова). Иногда они оправдывают, мотивируют выбор или употребление отдельных слов, подчеркивая их экспрессию. Во всех этих случаях модальные слова лежат как бы в иной грамматической плоскости по сравнению со всеми другими элементами высказывания, хотя нередко и приближаются к частицам речи (частицам). По мнению грамматистов, они находятся «вне предложения», лишь «примыкая» к нему (Овсяннико-Куликовский). Не вступая в связь с другими словами, «они не являются членами предложения, хотя бы даже служебными» (Пешковский). Они нередко выделяются и интонационно. Модальные слова и частицы определяют точку зрения говорящего субъекта на отношение речи к действительности или на выбор и функции отдельных выражений в составе речи. Выражая оценку высказываемой мысли или способа ее выражения, они граничат одной своей стороной с «частицами речи», с реляционными словами, но резко отличаются от основных разрядов или классов их (предлогов и союзов) своими синтаксическими функциями. Так как этот класс слов (и примыкающих к ним частиц) в русском языке стремительно возрастает (особенно в XVIII–XX вв.), включая в себя и устойчивые фразеологические единства и сочетания, то и морфологические типы слов и фразеологических единиц, в него входящих или к нему тяготеющих, очень разнообразны и разнородны.

2.2. Вопрос о модальных словах в грамматической традиции

Своеобразное положение модальных слов в ряду других грамматических категорий отмечалось в руководствах по русскому языку с начала XIX в. Но четкой грамматической характеристики этого типа слов там найти невозможно. Модальные слова долго не выделялись как самостоятельная категория. Они смешивались с наречиями. Это естественно. Недаром в славяно-русских грамматиках до конца XVII в. даже междометия включались в класс наречий. Категория наречий истари являлась свалочным местом для всех так называемых «неизменяемых» слов. Однако для отнесения модальных слов к наречиям были и другие, более близкие исторические причины: многие модальные слова образовались из наречий. Грамматическое своеобразие модальных слов давно бросалось в глаза. Но скованные теорией античной грамматики, русские лингвисты XIX в. рассматривали их в составе наречий как особый разряд. Так, Востоков называет модальные слова наречиями, «определяющими подлинность действия и состояния». Смешивая их с наречиями и частицами, он различает пять групп «наречий» с модальными оттенками.

Модальные слова стали выделяться в качестве отдельного частеречного разряда прежде всего под влиянием работ И.И. Мещанинова и особенно В.В. Виноградова, подробно охарактеризовавшего их в связи с категорией модальности. Такой части речи нет в академических грамматиках русского языка, не упомянута она ни в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» 1990 г., ни в энциклопедии «Русский язык» 1979 г., хотя в учебной литературе выделение модальных слов, можно сказать, стало традицией.

В.В. Виноградов, впервые выделивший модальные слова как часть речи, при описании фактического материала не установил границы между модальными словами и модальными частицами. Напротив, Виноградов писал о том, что такой границы в языке просто не существует, что модальные слова и частицы одинаково используются как лексическое средство для выражения многообразных субъективно-модальных значений.

Тем не менее выделение модальных слов не только возможно, но и желательно по двум причинам. Во-первых, потому что они объединяют те лексемы, за которыми функция вводности закрепляется в языке как единственная (т. е. лексемы, которые функционально отрываются от исходных частей речи). И.И. Мещанинов считал, что вводные (=модальные) слова надо выделить в особую группу именно потому, что они ни в одну другую часть речи не входят [Мещанинов, 1945, с. 298]. Во-вторых, и это принципиально важно, отрыв модального слова от той или иной части речи регулярно связан с закреплением в модальной (вводной) словоформе значения, равного свернутому предложению. Другими словами, с вводностью связан живой процесс образования таких слов, которые отличаются по природе их лексического значения и от самостоятельных частей речи, выражающих понятия о предметах, их свойствах и отношениях, и от служебных слов, не имеющих понятийной семантики.

Предложенческий характер модальных слов побуждал лингвистов (А.А. Потебню, А.М. Пешковского) видеть в них реликты свернутых предложений. В. В. Виноградов, не соглашаясь в целом с такой оценкой вводной синтагмы, показал, что далеко не всякое вводное слово генетически выводится из предложения, что модальные слова активно образуются из наречий и кратких форм прилагательного. «Класс модальных слов и частиц, – писал он, – в его современном виде представляет собою продукт сложных изменений грамматического строя русского языка. Он очень пестр по своему лексическому составу, по этимологической природе относящихся и тяготеющих к нему словесных элементов» [Виноградов, 1975, с. 77]. В связи с этим важно обратить внимание на то, что предложенческое содержание имеют как слова, соотносительные с глаголом. Так и лексемы субстантивного, наречного и адъективного происхождения: *конечно* = я не сомневаюсь, *возможно* = я допускаю, *несомненно* = я убежден, *кстати* = в связи со сказанным добавлю, *по-моему* = я полагаю, я считаю и т. д.

Итак, при всей неопределенности модальные слова имеют признаки грамматической оформленности: 1) неизменяемость (морфологический признак), 2) функция вводного слова (синтаксический признак), 3) свернутое предложенческое модусное значение (семантический признак). Когда все эти признаки в лексеме представлены, модальное слово выделяется достаточно свободно.

Таким образом, модальные слова – особая грамматическая категория, являющаяся средством выражения модальности в русском языке. Модальные слова могут выражать разные модальные значения, потому целесообразно рассмотреть их деление на лексико-семантические разряды.

2.3. Лексико-семантические разряды модальных слов в тексте

В зависимости от значения модальные слова можно разделить на 5 разрядов: 1) собственно модальные (или со значением персуазивности), 2) со значением авторизации, 3) эмоционально-оценочные, 4) метатекстовые и 5) фатические. В.В. Виноградов также относит к модальным слова, содержащие оценку стиля, способ выражения (буквально, короче говоря) и слова, выражающие эмоциональную реакцию на сообщение (не в обиду будет сказано). Некоторые лингвисты (Н.М. Шанский, Н.А. Тихонов) не вполне согласны с такой дифференциацией, по их мнению, такое выделение разрядов слишком распространенное, сами они классифицируют модальные слова по двум значениям: уверенности/неуверенности говорящего в достоверности сообщаемого. Рассмотрим детальнее обозначенные 5 разрядов модальных слов.

Собственно-модальные слова или слова со значением достоверности / недостоверности факта (т. е. со значением персуазивности) образуют ядро части речи. Их значение положено в название всего класса. Они выражают уверенность / неуверенность говорящего в том, о чем сообщается в предложении либо в какой-нибудь его части. В этот разряд входят такие лексемы, как: *безусловно, бесспорно, возможно, верно, вероятно, должно*

быть, действительно, конечно, кажется, может, может быть, наверное, несомненно, по-видимому, пожалуй, правда, разумеется и т. п.: *Он, должно быть, полагал, что слова эти поддержат бодрость хорошенького прапорщика* (Л.Н. Толстой); *Одни указывали на то, что если разбойники нагонят их в открытой степи, то, безусловно, всех уничтожат* (А.Н. Толстой); *Действительно, лучшей кандидатурой для руководства этой необычайно трудной операцией был Травкин* (Э.Г. Казакевич); *Природа, видимо, существовала как – то сама по себе* (А. Н. Толстой).

Модальное слово со значением авторизации (т. е. указывающее, как получена информация, выраженная в высказывании) в синтаксисе предложения явление достаточно регулярное (по слухам, по преданию, по словам, по сообщению, по мнению, говорят, передают, сообщают и др.), но модальных слов этой группы немного. Таковы по-моему, по-твоему, по-нашему, по-вашему, слышно (в значении ‘говорят’). В отличие от частиц *мол, де, дескать*, являющихся знаком «цитирования», указывающих на то, что передаются чужие слова или сказанное говорящим ранее, модальное слово дает представление об авторе или источнике сообщаемого: *Латынь я зубрю, потому что надо, потому что я обещался матери кончить курс, а по-моему, за что взялся, то ж доделать хорошо* <...> (Ф.М. Достоевский); *По слухам, какая-то часть упорно сражалась под Каменском, не пропуская немцев в Лихую* (А.А. Фадеев).

Эмоционально-оценочные модальные слова выражают или эмоции, или оценку по поводу сказанного: к сожалению (в значении ‘я сожалею’), к радости (в значении ‘я рад’), к огорчению и т. п.: *Эту поэму Иван Николаевич сочинил, и в очень короткий срок, но, к сожалению, ею редактора несколько не удовлетворил* (М.А. Булгаков).

Такие словоформы не отрываются полностью от соответствующих существительных и могут иметь при себе субъектные и градуальные распространители (*к своему полному разочарованию, к нашему счастью, к удивлению мальчика* и т. п.), но прочитываются они всегда как глагол, вернее

как предикат. При этом содержание предложения мотивирует характер эмоции: *К удивлению Пети, в участке не было ни воров, ни пьяниц. Ни босяков* (В.П. Катаев) – Петя удивлен тем, что в участке не было воров, пьяниц и босяков. К эмоционально-оценочным модальным словам относятся некоторые лексикализованные сочетания: *неровен час, чего доброго, нечего греха таить, не в укор будь сказано* и т. п.

Метатекстовые модальные слова свидетельствуют о том, в каком порядке субъект речи излагает свои мысли: *во-первых, во-вторых, наконец, кроме того. Прежде всего. С одной стороны, с другой стороны* и др. Они являются также показателями обобщений и заключений, всякого рода уточнений, разъяснений и поправок, преследующих цель получить адекватное восприятие сказанного со стороны адресата: *итак, таким образом, следовательно, значит, вернее, словом, например, к примеру, в частности, вообще говоря* и др.: **Итак**, в то морозное и сиверкое ноябрьское утро мальчик Коля Красоткин сидел дома (Ф.М. Достоевский); *Я не скажу, о чем задумался: во-первых, потому, что мне совестно было признаться в мрачных мыслях <...>, а во-вторых, потому, что это нейдет к моему рассказу* (Л.Н. Толстой).

Фатические модальные слова вводятся в предложение с целью привлечь внимание собеседника к сказанному, установить речевой контакт с собеседником, продолжить общение: *видите ли, знаете ли, простите, веришь ли, пожалуйста, представьте себе, с позволения сказать, извините* и др.: *<...> Да, я забыл спросить, прокуратор потер лоб, – как же они ухитрились подбросить деньги Кауфе? – Видите ли, прокуратор... Это не особенно сложно* (М.А. Булгаков); *Он, веришь ли, так взглянул на меня, как бы ножом насквозь* (А.С. Пушкин).

По генетическому признаку модальные слова соотносятся с существительными (*правда, словом, факт*), краткими прилагательными, качественными и предикативными наречиями (*истинно, подлинно, конечно,*

верно, бесспорно, слышно, видно), местоименными наречиями (*никак, по-моему, по-твоему*), причастиями (*видимо, вестимо*), глагольными формами (*разумеется, кажется, знать, видать*). Кроме того, модальные слова образуются лексикализацией сочетаний (*может быть, вообще говоря, короче говоря*).

Модальные слова в большинстве случаев являются функциональными омонимами с теми словоформами, от которых они морфологически (перестали быть компонентами морфологических парадигм), семантически и синтаксически оторвались. *Правда* – И. п. существительного и *правда* – модальное слово, *бесспорно* – краткая форма прилагательного ср. р., ед. ч. и *бесспорно* модальное слово, *никак* – наречие (никак не пойму) и *никак* – модальное слово (никак, ты заболел?) и т. д. Но есть и такие модальные слова, которые не имеют омонимов среди самостоятельных частей речи. Таковы *например, во-первых, во-вторых, наверно, по-видимому, следовательно, итак, впрочем*.

Итак, мы рассмотрели основные лексико-семантические разряды модальных слов, отметили, что взгляды лингвистов относительно классификации модальных слов по значению несколько расходятся: В.В. Виноградов включает в эту классификацию несколько спорных разрядов, что поддерживается не всеми лингвистами (Н.М. Шанский, Н.А. Тихонов подвергают сомнению правомерность такого разделения). Однако взгляды лингвистов однозначно сходятся на необходимости выделения группы слов, отражающих достоверность/недостоверность факта, поскольку модальные слова со значением персуазивности – это ядро данной категории, значение достоверности выходит на передний план на фоне всех остальных модальных значений. Этим обусловлен большой интерес к данной группе модальных слов и актуальны исследования реализации модальных значений персуазивности в тексте.

2.4. Русские частицы как объект изучения в лингвистике

Термин «частица» (лат. *particula*) пришел в русскую грамматику из грамматики античной и ныне употребляется в широком и узком смысле. В широком смысле частицы тождественны «частицам речи», включающим в себя предлоги и союзы (так называемые служебные слова) и противопоставляющимся «частям речи». В более узком понимании частицы трактуются как класс слов, не имеющих самостоятельного значения, но насыщающих семантику других слов, предложений, а также служащих для выражения грамматических отношений. Семантика данных слов совпадает с их функциями (грамматическими, экспрессивными, логическими), потому семантический объем частиц весьма широк, значения подвижны.

Среди служебных слов предлоги и союзы выделяются как две четко оформленные категории, но помимо них также существуют группы слов, занимающие промежуточное положение между модальными словами и наречиями, и с другой стороны – с союзами. Именно за этими группами слов и закрепилось наименование «частицы».

Большинством лингвистов поддерживается точка зрения о том, что частицы – особая служебная часть речи, выражающая смысловые и модально-экспрессивные оттенки предложений и слов и участвующая в образовании форм слова. Сложность использования данного понятия состоит в том, что не совсем понятно разграничение оттенка с непосредственно значением.

В «Русской грамматике» частицы рассматривают следующим образом: «Частицы – это служебная часть речи, включающая неизменяемые слова, придающие дополнительные модальные или смысловые оттенки отдельным словам или всему предложению в целом» [Шведова, 1980, с.].

Приведем также ряд других дефиниций:

«Частицы – служебные слова, выражающие главным образом дополнительные смысловые оттенки предложений, словосочетаний и отдельных слов» [Розенталь, 2002, с. 155];

«Частицы – служебные слова, которые придают различные оттенки словам и предложениям или служат для образования форм слова» [Бабайцева, 2002, с. 189];

«Частица – это служебная часть речи, которая передает оттенки лексических и синтаксических значений, уточняет значение слова, части предложения или предложения в целом» [Герасименко, 2003, с. 235];

«Частицы – это слова, придающие различные смысловые оттенки словам и предложениям, а также служащие средством образования грамматических аналитических форм» [Диброва, 2005, с. 207];

«Частица – служебная часть речи, которая вносит различные смысловые оттенки в предложение или служит для образования форм слов» [Лекант, 2005, с. 137];

«Частицы... – служебные слова..., выражающие смыслы, важные для реализации в высказывании и тексте коммуникативных намерений говорящего» [Панова, 2010, с. 398].

А.А. Шахматов определяет частицы как «слова, усиливающие или оттеняющие в том или ином отношении грамматические формы или предикат». Подавляющее число частиц современного русского языка в своей семантике содержат модальные оттенки и потому тяготеют к модальным словам.

Вопрос о классификации частиц в современном русском языке решается неоднозначно, поскольку состав частиц весьма неоднороден, а сами эти единицы отличаются разнообразием функций. Ученые, занимающиеся исследованием частиц, упоминают такую разнородность, а также условность дифференцирования такого класса слов. На этот счет высказывается А. Мирович: «Частицы, обслуживающие предложение, распадаются на ряд категорий, настолько различных по своим функциям, что, собственно говоря, общее название всех разновидностей частиц является чем-то условным. Их основные категории не меньше различаются между собой, чем отдельные части речи [Мирович, 1962, с. 104].

Правомерно выделение следующих функций частиц:

1) частицы принимают участие в образовании морфологических форм слов, а также форм предложений с ирреальной модальностью (побудительность, сослагательность, желательность, условность;

2) частицы выражают большой спектр субъективно-модальных значений и оценок предложения или его частей;

3) частицы участвуют в характеристике цели высказывания и утверждения/отрицания;

4) частицы характеризуют действие или состояние по его протеканию во времени, по полноте или неполноте, результативности или нерезультативности его осуществления [Шведова, 1980, с. 730].

В целом, указанные функции разграничиваются на две группы: формообразующие и коммуникативно характеризующие предложение. Объединяющей все эти функции чертой является семантика отношения (действия к действительности, говорящего к сообщаемому), и оба вида отношений могут даже сосуществовать в семантике одной частицы. Отношение, которое выражает частица в предложении – это и есть значение частицы как отдельного слова (В.В. Виноградов, А.А. Шахматов, Н.Ю. Шведова).

С учетом перечисленных функций в современном русском языке насчитывают 6 разрядов частиц:

1) формообразующие (образующие формы слов и предложений);

2) отрицательные;

3) вопросительные;

4) характеризующие признак (действие) по протеканию во времени, результативности, полноте осуществления;

5) утверждающие/отрицающие;

6) модальные.

Немаловажно, что модальные (экспрессивные, оценочные) значения могут присутствовать и в отрицательных, вопросительных частицах, которые характеризуют действие по его происхождению, в частицах-репликах. Однако

нельзя связать все частицы с категорией модальности, поскольку некоторые частицы близки скорее к союзам, а их функции лежат вне границ модальных отношений.

Правомерно иное разделение, присущее другой классификации частиц: частицы смысловые и модальные [Чистякова, 1949, с. 89].

Посредством смысловых частиц выражаются разнообразные смысловые оттенки семантики слов в высказывании: 1) частицы указательные: *вот, вон, это*; 2) частицы определительные, служащие для уточнения смысла семантики слова в высказывании: *как раз, именно, почти*; 3) частицы выделительно-ограничительные, придающие оттенок ограничения слову или же группе слов в высказывании: *исключительно, единственно, всё, только, разве лишь, лишь, хоть, хотя бы*; 4) частицы усилительные, служащие для усиления выразительности речи, а также подчеркивающие семантику какого-либо слова или высказывания в целом: *и, ужже, даже, всё, всё таки*.

Модальные же частицы требуют более детального рассмотрения, поскольку в том числе им посвящена данная работа.

С помощью модальных частиц может выражаться волеизъявление субъекта речи, а также его отношение к достоверности события (явления). В связи с этим модальные частицы дифференцируются на модально-волевые и собственно-модальные [Колесникова, 2012, с. 14].

Модально-волевые частицы, обычно относясь к глаголу, вносят в последний оттенок возможности, желательности, долженствования: *давай, пусть, пускай, бы, ну, -ка: Да, мне хотелось бы спросить вас, что вы будете делать сегодня вечером, если это не секрет?* (М.А. Булгаков); *Пускай себе ходят, до них обывателю нет дела* (Н.А. Островский).

Модальные же частицы выражают мнение говорящего о действительности, его к ней отношение. В этот класс включаются следующие группы частиц:

1) утвердительные: *да, ага, так – Да скажи хозяину, что вина мало*

(А.П. Чехов); *Да, я избегал русских, но Гагин мне понравился тотчас* (И.С. Тургенев).

2) отрицательные: *не, нет, не-а* (прост.), *ни – Нет, этого быть никак не может, – твёрдо возразил иностранец* (М.А. Булгаков);

3) вопросительные: *неужели, разве, да, да ну, ли, а – А люди еще обижаются на страну: **разве** они граждане* (А.П. Платонов);

4) выражающие отношение к достоверности высказываемого: *едва ли, вряд ли, авось, было, чуть ли не, чай* (+ частицы, передающие чужую речь: *дескать, мол, де*).

Последний класс модальных частиц в лингвистике принято иначе именовать как модально-персуазивные частицы (МПЧ). Данный класс частиц, в свою очередь, имеет собственную классификацию [Нагорный, 2014, с.13]:

1) собственно-предположительные: *небось, авось, как бы, никак, чай, поди, что ли – А у самой **небось** душа в пятки* (Е.И. Замятин); *В разоренье **поди** приведут* (М.Е. Салтыков-Щедрин); *Вася, да ты **никак** спишь?* (Д.Н. Мамин-Сибиряк);

2) сомнительно-предположительные: *вряд ли, едва ли – И все её мысли были прикованы к тому неведомому человеку, которого она никогда не видела и **вряд ли** когда-нибудь увидит, к этому смешному Пе Пе Же* (А.И. Куприн); *Он пошел, как был, захватив, впрочем, трут и огниво, которыми **едва ли** даже сумел бы распорядиться* (В.Г. Короленко);

3) сравнительно-предположительные: *вроде, точно, будто, как будто, ровно, словно – И вот теперь редактор читал поэту нечто **вроде** лекции об Иисусе, с тем чтобы подчеркнуть основную ошибку поэта* (М.А. Булгаков); *Ай хороши! – причмокнет, подкинет шаль на руке, – и ухмыляется, **будто** сквозь замочную скважину всё подглядел, всё знает* (Е.И. Замятин);

4) избыточно-предположительные: *чуть ли не, вряд ли не, едва ли не – Эта комната, окнами на запад и на север, занимала **чуть ли не** половину всего дома* (И.А. Бунин); *Самосозерцание доставляло ему **едва ли не** большее удовольствие, чем осмотр фотографий или пистолета в дорогой оправе* (А.П. Чехов);

5) вопросительно-предположительные: *неужели, разве, неужто* – *Я от слов своих отступилась. Неужели вы не понимаете? Пусть это подло и малодушно* (Б.Л. Пастернак); – *Разве я выразил восхищение? – спросил маг у Фагота* (М.А. Булгаков); *Известно, шучу, а то неужто в самом деле?* (А.Н. Островский);

6) эвиденциально-предположительные: *якобы, дескать, де, мол* – *Будто стряпуха за обедом накормила его вместе с сморчками грибом-самоплясом, оттого-де и кончился* (Е.И. Замятин); *Я требую назначения комиссии для расследования моих якобы преступлений* (А.Н. Толстой).

Стоит также учитывать, что в различных коммуникативных ситуациях одна и та же модальная частица может эксплицировать разную степень достоверности сообщаемого с позиций говорящего. Это позволяет говорить о динамичности модально-оценочных значений, вносимых модальными частицами, что вызывает интерес к данной группе модальных частиц и делает актуальными исследования реализации модальных значений персуазивности в тексте.

Выводы по II главе

В данной главе были рассмотрены языковые средства выражения модальности. В числе основных были проанализированы модальные слова как вербализаторы модально-оценочной информации в тексте. Были выявлены функциональные характеристики модальных слов, в числе которых отмечены следующие:

– Модальные слова лишены номинативной функции, как и связочные слова, однако они более «лексичны». Тем не менее, модальные слова не выражают связей и отношений между членами предложения.

– Модальные слова не примыкают к одним и тем же членам предложения и не служат определением или распространением слов какого-нибудь одного или нескольких грамматических классов. Иногда они выступают в роли стилистического ключа, открывающего модальный план предложения. Таким образом, они оправдывают, мотивируют выбор или употребление отдельных слов, подчеркивая их экспрессию.

– Модальные слова выражают субъективную модальность сообщения о действительности или являются субъектно-стилистическим ключом речи. В них находит свое выражение сфера оценок и точек зрения субъекта на действительность и на приемы ее словесного выражения.

Модальные слова достаточно долго не выделялись как самостоятельная категория, в частности они смешивались с наречиями. При категориальной неопределенности модальные слова обладают признаками грамматической оформленности: неизменяемостью, функционированием в качестве вводного слова, свернутым предложенческим модусным значением, а потому свободно выделяются как часть речи.

Также в главе были рассмотрены лексико-семантические разряды модальных слов в тексте и текстовые функции модальных слов со значением персуазивности.

На основе изучения языкового материала были выделены и проанализированы 5 разрядов модальных слов по значению:

1. Собственно-модальные слова (со значением достоверности / недостоверности факта);
2. Вводные слова со значением авторизации (указывающие, каким образом получена информация, выраженная в высказывании, субъектом);
3. Эмоционально-оценочные модальные слова (выражают эмоции или оценку по поводу сказанного);
4. Метатекстовые модальные слова (логический порядок изложения мысли);
5. Фатические модальные слова (привлекают внимание собеседника к сказанному).

В главе также был разработан вопрос о частицах и их функционально-семантических свойствах в современном русском языке, а также месте частиц в системе русских частей речи. Был приведен ряд дефиниций данного термина, определены разряды частиц, представлены несколько классификаций частиц. Одна из данных классификаций предполагает дифференциацию частиц на 6 разрядов, другая построена по иному принципу: выделяется две основные группы частиц (смысловые и модальные), внутри которых, в свою очередь, более детально рассматриваются несколько подгрупп. Особое внимание было уделено рассмотрению модальных частиц: была приведена их классификация, согласно которой выделяются собственно-предположительные, сомнительно-предположительные, сравнительно-предположительные, избыточно-предположительные, вопросительно-предположительные и эвиденциально-предположительные разряды. Также был обозначен ряд модально-оценочных значений, эксплицируемых модальными частицами в высказывание.

ГЛАВА III. ТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ

3.1. Текстовые функции модальных слов

В данном разделе мы представляем информацию об исследованиях в области лексико – семантического значения модальных слов, которые играют важную роль при выражении достоверности / недостоверности сообщаемого. Наша Задача заключается в том, чтобы выяснить, как модальные слова, передающие значение достоверности / недостоверности сообщаемого, участвуют в семантической организации текста на примерах из классической художественной литературы, поэтому для выполнения поставленной нами задачи мы принимаем во внимание приведенные в главе первой и второй понятия и термины.

Рассмотрим детальнее понятие персуазивности. Персуазивность – одна из квалификативных категорий модальности, выражающих отношение говорящего к событиям и информации о них. Персуазивность (от лат. *persuasio* – уговаривание, мнение) – это квалификация информации с точки зрения степени ее достоверности, проявляется в оппозиции «достоверно/недостоверно». Значение достоверности занимает центральное место в кругу всех субъективно-модальных значений. Это ядро категории субъективной модальности, отражающее степень авторского знания относительно соответствия или несоответствия содержания высказывания реальному положению дел.

И.А. Нагорный в своей работе отмечает, что названную модальную семантику можно представить в виде так называемой модальной шкалы степеней достоверности (далее – МШСД) – условного градуального построения векторного типа, отправной точкой которого является полюс утверждения (он придет), промежуточной зоной – значения категорической (он, конечно, придет) и проблематической (он, наверное, придет) достоверности, а конечная точка – полюс отрицания (он не придет) [Нагорный, 2014, с. 14].

Для более четкого понимания и наглядности предпринята попытка схематически воспроизвести МШСД (рис. 1):

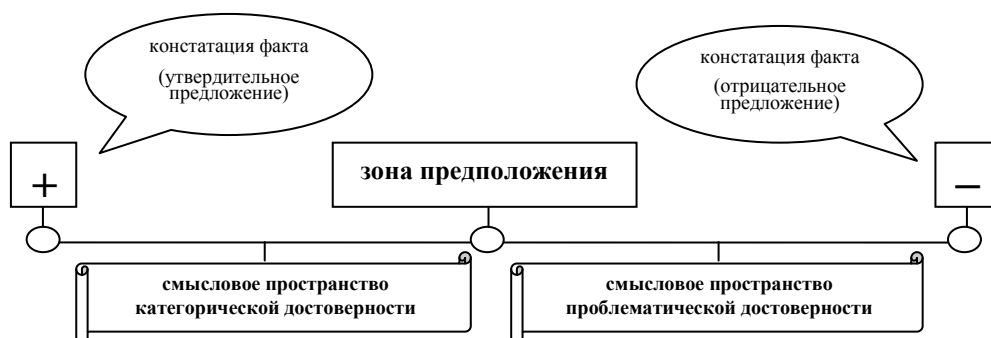


Рис. 1. Модальная шкала степеней достоверности

Модальные слова способны фиксировать высказывание на МШСД в смысловом промежутке между полюсами утверждения и отрицания. Однако лингвист поясняет, что данная шкала – образование сугубо семантического уровня, а значит, ее содержимым являются не языковые единицы, а разного рода смыслы [Нагорный, 2014, с. 14].

Приведем ряд модальных слов со значением достоверности/уверенности, отобранных нами для анализа:

1. **Конечно** – модальное слово, употребляющееся для твёрдой уверенности говорящего в достоверности, истинности высказывания. Также употребляется для выражения того, что реальное событие вполне соответствует тому, в чём говорящий не сомневается: *И уж, конечно, всем, кто идёт в Блудово болото, надо хорошо знать, что это такое Слепая елань* (М.М. Пришвин. Кладовая солнца (1945)); *Ну а найти это озеро нелегко, хотя и можно, конечно* (И.А. Ефремов. Озеро горных духов (1942–1943)).

2. **Безусловно** – употребляется для абсолютной уверенности говорящего в достоверности, истинности высказывания: *Да и вообще уход Винниченко – дело решенное, и тогда Петлюра, безусловно, займет его место* (Н.А. Островский. Рожденные бурей (1934-1936)); – *Вот ты мне когда попался, бродяга, – сказал усатый человек, – безусловно, я тебя сгною теперь* (А.Н. Толстой. Детство Никиты (1919-1922)).

3. **Разумеется** – 1) употребляется для подчеркнутого выражения твёрдой уверенности говорящего в достоверности, истинности высказывания; 2) употребляется для выражения того, что реальное событие вполне соответствует тому, в чем говорящий не сомневался: *Наиболее развитые и культурные люди в этих рассказах о нечистой силе, навестившей столицу, **разумеется**, никакого участия не принимали и даже смеялись над ними и пытались рассказчиков образумить* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929-1940)); *Я, **разумеется**, его не вызвал, потому что это было его дело; да не хотел и связываться* (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)).

4. **Действительно** – употребляется для подтверждения, признания правильности того, что сказано ранее: ***Действительно**, в протоке чёрной точкой показалась рыбацья лодка, огибавшая остров* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Приёмьш (1893)).

5. **Несомненно** – употребляется для выражения того, что говорящий не сомневается в достоверности, истинности высказывания: ***Несомненно**, Даша много пережила после Питера, много поняла* (А.Н. Толстой. Хождение по мукам/ Книга третья. Хмурое утро (1941)); *И знал, что сам он, **несомненно**, здоров* (В.К. Кетлинская. Мужество (1934-1938)).

6. **Бесспорно** – употребляется для выражения того, что говорящий совершенно уверен в достоверности, истинности высказывания, считает их неоспоримыми: *Нет, тут, **бесспорно**, была подстроена тонкая штука* (В.Я. Шишков. Угрюм-река (1928-1933)); *Она занимает, **бесспорно**, первое место в смысле науки, удовлетворяющей цели развития* (М.Н. Альбов. На точке (1888)).

7. **Естественно** – 1) употребляется для выражения уверенности говорящего в достоверности, истинности, правомерности высказывания в силу очевидности, естественности того, о чем в нем говорится (Я здесь недавно, поэтому, естественно, многого еще не знаю); 2) употребляется для выражения того, что реальное событие вполне соответствует тому, в чем

говорящий нисколько не сомневался (Поезд, естественно, опоздал, и нам пришлось ночевать на вокзале) [Словарь структурных слов русского языка / Под ред. В. В. Морковкина, 1997]. *И мы с командировочным, естественно, поддакиваем, имея множество наблюдений на этот счет* (Б.Б. Вахтин. Так сложилась жизнь моя... (1960-1963)). *Старик этот, естественно, показался ему воплощением кротости и непротивления злу* (К.Г. Паустовский. Повесть о жизни. Время больших ожиданий (1958)).

Говоря о текстовых функциях МС, необходимо в первую очередь сказать о том, что МС являются **репрезентаторами точки зрения говорящего**. Несмотря на то, что высказывание, основа которого – констатация факта, считается нейтральным в плане выражения отношения говорящего к сообщаемому, авторское отношение в нем все таки содержится, хоть и не выражено эксплицитно. Констатационный способ изложения информации априори предполагает абсолютную авторскую уверенность в сообщаемом. (*Снег идет. Дети играют в парке*) Та же абсолютная уверенность, но уже выраженная эксплицитно (главным образом при помощи модальных слов со значением персуазивности, в данном случае – уверенности/достоверности) переводит высказывание из констатационного в разряд высказываний с наличием явного авторского отношения к сообщаемому, другими словами, высказывание получает квалификацию с точки зрения степени его достоверности. Модальная характеристика, вносимая в высказывание посредством МС, – так называемый второй семантический пласт высказывания, несущий в себе авторскую позицию в связи с сообщаемой им информацией. Следовательно, цельный и связный комплекс таких высказываний (текст) образован не только некоторой тематической последовательностью, но и с помощью ряда субъективно-модальных значений, выражающих точку зрения говорящего, поскольку каждое «появление» такой языковой единицы в высказывании – это прямая отсылка к субъекту речи, к его мнению, к его отношению к ситуации.

Другими словами, экспликации авторского мнения – такие же полноправные инструменты, участвующие в организации текста, поскольку являются указателями на производителя речи как на главенствующий для текста фактор, так как ментальная сфера говорящего оказывает самое непосредственное влияние на текст, его создание.

Что касается положения на МШСД, в сравнении с «чистым» утверждением высказывание квалификативное будет занимать уже иную позицию. *Мне, конечно, не верили, и жизнь моя стала неприятной* (М.А. Булгаков, Записки покойника (Театральный роман) (1936-1937)); *Это составит лишь около трех оборотов на замес, что, безусловно, недостаточно* (В.П. Катаев. Время, вперед! (1931–1938)); *На третий день посланный вернулся с Алексеем и привезли лекарства, разумеется, на мой счет* (А.А. Фет. Осенние хлопоты (1862)); *Действительно, какой же смысл задерживать в лечебнице человека здорового?* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940)); *Несомненно, что это были пять тёмных окон на углу здания, в восьмом этаже* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940)); *Да: площадь Баязета в Стамбуле была, бесспорно, много красивее* (М.А. Алданов. Чертов мост (1925)); *К тому же мне был всего двадцать один год, и, естественно, ко мне относились иначе, чем к другим комбатам* (В. Богомолов. Иван (1957)).

Другой функцией МС является функция **прагматического воздействия на адресата**. Сопоставляя высказывание – нейтральное утверждение и высказывание с ярко выраженной авторской уверенностью в сообщаемом, нельзя не обратить внимание на то, что основной информационный посыл высказывания остается неизменным (Ср.: *Она напишет дипломную работу – Она, бесспорно, напишет дипломную работу*): высказывание имеет своей целью сообщить о том, что субъектом будет выполнено определенное действие. Однако заметно, что второе высказывание является более насыщенным «авторским сознанием». Здесь

присутствует отражение психологической, ментальной стороны говорящего, для выражения которых у последнего имеется большой комплекс необходимых средств, одно из которых – модальные слова. Когда у субъекта возникает потребность в передаче информации, перед ним стоит вопрос: каким именно образом эту информацию преподнести, как оформить нужную мысль. И если он делает выбор не в пользу «сухого» изложения факта (нейтральной констатации), а в пользу высказывания с категорической достоверностью, значит, ему необходимо подчеркнуть факт обладания достоверной информацией или свою абсолютную уверенность в преподносимой им информации. Другими словами, говорящий намеренно использует дополнительное средство для выражения степени своего знания / уверенности в высказываемом, тем самым акцентирует внимание адресата на нужной информации, а значит, воздействует на него. Говорящий счел необходимым не просто сообщить информацию, а предпринял попытку убедить адресата в том, что информация является истинной, повлиять на его эмоциональное состояние. Избирая такой способ преподнесения информации (с добавочной семантикой абсолютной авторской уверенности), говорящий передает адресату следующий посыл: «Я заинтересован, чтобы ты думал именно так, как хочу я».

Можно сказать, что говорящий управляет тем, как именно адресатом будет интерпретировано и воспринято его высказывание, формирует эту интерпретацию и реакцию говорящего: *Ну, конечно, газеты этот случай скрывают, – запрещено* (А.Н. Толстой. На рыбной ловле (1923)); *Зря не взяли. Интересное одеяло, безусловно. Разумеется, я тотчас полетел в Пассаж обо всем сообщить бедняжке Ивану Матвейчу* (Ф.М. Достоевский. Крокодил (1865)); *Действительно, взор больного стал уже не так дик и беспокоен* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940)); *Несомненно, будет правительственный переворот, у власти станет Корнилов* (М.А. Шолохов. Тихий Дон. Книга вторая. (1928–1940)); *Но самым красивым растением в долине Анюя, бесспорно, был амурский виноград*

(В.К. Арсеньев. Сквозь тайгу (1930)); – *Я, естественно, не помню, как я родился, момента рождения* (Ю. К. Олеша. Книга прощания (1930–1959)). Таким образом проявляется еще одна функция модальных слов: функция прагматического воздействия на адресата.

В ходе исследования также было отмечено, что модальные слова семантически не совсем идентичны. Так, опираясь на Словарь структурных слов русского языка, можно внутри группы слов, отражающих категорическую достоверность, условно выделить еще несколько групп:

1. Модальные слова *бесспорно, несомненно, безусловно*. Для них дается примерно идентичное толкование: эти слова употребляются для выражения того, что говорящий совершенно уверен в достоверности, истинности высказывания. Небольшие различия состоят лишь в оттенках, имеющих место за счет прямого значения слова (*бесспорно* – нет смысла спорить – говорящий считает высказывание неоспоримым; *несомненно* – нет никаких сомнений – говорящий не сомневается в достоверности высказывания);

2. Модальные слова *конечно, разумеется, естественно*. Кроме того, что эти слова также, как рассмотренные выше, употребляются для выражения абсолютной уверенности говорящего в истинности высказывания, они еще используются для выражения того, что реальное событие вполне соответствует тому, в чем говорящий нисколько не сомневался. Второй вариант функционирования модальных слов подразумевает, что мнение говорящего относительно конкретного события сложилось еще до момента речи. А в высказывании он лишь информирует о том, что произошедшее событие полностью соответствует его твердому мнению на этот счет.

3. Модальное слово *действительно*. Оно тоже является экспликатом категорической достоверности, но его отличие от остальных рассмотренных модальных слов состоит в том, что оно употребляется для подтверждения, признания правильности того, что сказано ранее. Это значит, что такое высказывание тесно связано с контекстом, а именно с предшествующей

информацией, которую и подтверждает модальное слово. Следовательно, данное лексико-грамматическое средство обладает дополнительной функцией – коммуникативно-синтаксической, то есть принимает участие в актуальном членении предложения (*Входит. Действительно, рестораник средней руки. Смотрит – и как стоял, так и застыл* (М.А. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман) (1936-1937)); *Петр Евсеевич поспешно удалялся на просеянное поле и, действительно, заставлял там питающихся птиц* (А.П. Платонов. Государственный житель (1929)); *Действительно, медленно шли работы, как ни ожесточался Перри* (А.П. Платонов. Епифанские шлюзы (1927)); *Действительно, в протоке чёрной точкой показалась рыбацья лодка, огибавшая остров* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Приёмыш (1893))).

Вернемся к МШСД и рассмотрим смысловое пространство предположения. Представим анализируемые модальные слова со значением вероятности/неуверенности (проблематическая достоверность):

1. **Должно быть** – употребляется для выражения того, что высказываемое утверждение основывается не на точном знании, а на предположении, в достоверности, истинности которого говорящий, однако, весьма уверен: *Должно быть, я проспал несколько минут, потому что ничего не слышал* (Г. А. Газданов. Вечер у Клэр / начало романа (1930)); *Дочь батюшки, должно быть, ничего не знала вообще* (Б. А. Пильняк. Три брата (1923–1928)).

2. **Надо думать** – употребляется для выражения того, что высказываемое утверждение основывается не на точном знании, а на предположении, в достоверности, истинности которого говорящий скорее уверен, чем не уверен: *Но спор, в который вы хотите втянуть меня, я мысленно веду всю жизнь с воображаемым обвинителем и, надо думать, имел время прийти к какому-то заключению* (Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945-1955)); *Надо думать, в сочетании с неуживчивыми чертами*

характера это и стало причиной распада семьи (Л. М. Леонов. Русский лес (1950–1953)).

3. **Наверное** – 1) употребляется для выражения того, что высказываемое утверждение основывается не на точном знании, а на предположении говорящего (Наверное, лето будет холодным); 2) (разговорн.) употребляется для выражения некатегорического намерения, которое говорящий высказывает, ожидая от слушающего подтверждения (Ну что, я, наверное, пойду?): *И я поступил так, как, **наверное**, на моем месте сделал бы всякий* (Е. Пермяк. Бабушкины кружева (1955–1956)); *А ты, **наверное**, кричал с другой стороны, там никакого эха нету* (Ю.М. Нагибин. Эхо (1960–1964)).

4. **Возможно** – (книжный оттенок) употребляется для выражения предположения о возможности, вероятности, допустимости чего-либо: *Непрошенные попутчики, **возможно**, собрались ехать до самой станции, а это грозило серьезными осложнениями* (Э.Г. Казакевич. Звезда (1946)); ***Возможно**, что это как раз и есть дорога с Медыни на Верю* (К. Симонов. Живые и мертвые (1955–1959)).

5. **Вероятно** – употребляется для выражения того, что высказываемое утверждение основывается не на точном знании, а на предположении говорящего: *Я снимал перчатки, а ключи, **вероятно**, были у госпожи Арсеньевой, а не у её дочери* (Валентина Осеева, Динка (1959)); *Заклеивать не стал, **вероятно**, так будет лучше* (Василь Быков. Бедные люди (1998)).

6. **Кажется** – употребляется для выражения того, что говорящий не уверен или сомневается в достоверности, полной точности высказывания: ***Кажется**, день будет пасмурный, а нам это и нужно* (И.А. Ефремов. Озеро горных духов (1942-1943)); *Земля, **кажется**, окаменела, и до сих пор сохраняет она вид ужаса* (К.Г. Паустовский. Орест Кипренский (1936)).

7. **Может быть** – 1) употребляется для выражения неуверенного предположения о возможности, вероятности, допустимости чего-либо: – *А клюквы, **может быть**, у нас еще больше будет* (М.М. Пришвин. Кладовая солнца (1945)); – *Я не спросил тебя, – сказал Пилат, – ты,*

может быть, знаешь и латинский язык (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940))?

8. **Видимо** – употребляется для выражения того, что высказываемое утверждение основывается не на точном знании, а на предположении, впечатлении говорящего [Словарь структурных слов русского языка / Под ред. В. В. Морковкина, 1997]. *В межевой канаве того малого леса спал землемер; он был еще не старый, но изжитый, видимо, ослабевший от землеустройства человек* (А.П. Платонов. Государственный житель (1929)). *Он покосился на простыню, но, видимо, раздумал: жаль было кровавить простыню* (М.А. Булгаков. Полотенце с петухом (1926)).

Выделяется еще одна функция МС – функция **корректирующая**. Сопоставление констатационного высказывания (нейтральное утверждение) и высказывания с проблематической достоверностью дает несколько иные результаты, чем сопоставление с высказыванием категорической достоверности. Если намеренно «опустить» экспликат проблематической достоверности, семантика высказывания будет претерпевать более значительные изменения, нежели в предыдущем сопоставлении (Ср.: *Я пойду на концерт – Я, наверное, пойду на концерт*). В этом случае из семантики выпадает элемент, который имеет значительную для высказывания смысловую нагрузку. В свою очередь сопоставление высказывания с проблематической достоверностью и высказывания с нейтральным отрицанием также не обнаружило тождества смыслов (Ср.: *Я, наверное, пойду на концерт – Я не пойду на концерт*). В соответствии с этим, правомерно говорить о том, что классическая схема «утверждение-отрицание» в лингвистике внушительно расширяется, пополняется «смысловыми точками», находящимися между двумя основными смысловыми полюсами. «Данная оппозиция должна быть даже в самом общем виде представлена не как двух, а как трехчленная» [Нагорный, 2014, с. 21].

Таким образом проявляется важная функция МС проблематической достоверности – корректирующая: средства её выражения более весомы семантически и способны фиксировать высказывание на МШСД.

Внутри группы с отобранными словами проблематической достоверности условно можно дифференцируются две группы:

1. Модальные слова *наверное, возможно, вероятно, кажется, видимо, может быть*. Их семантика сходится в том, что высказывание с их использованием содержит в себе предположение, сомнение, неуверенность, что высказываемое утверждение основывается не на точном знании. Соответственно такие высказывания будут занимать место в смысловом пространстве предположения, тяготеть к полюсу отрицания: *Это он, наверное, за ноги меня подтянул* (Булат Окуджава. Будь здоров, школяр (1960-1961)); *Намек о том, что он, возможно, назначит наследником Николая, мог ее убедить* (Н.Ю. Тынянов. Пушкин (1935-1943)); *Вероятно, вы с Николаем Николаевичем сделали что-нибудь не так, как нужно* (А.И. Куприн. Гранатовый браслет (1911)); – *Я его, кажется, сто лет не видала* (А.И. Куприн. Гранатовый браслет (1911)); *Он, видимо, совсем не понял, в чём дело* (В.Г. Короленко. Мороз (1900-1901)).

2. Модальные слова *должно быть, надо думать*. Употребляются для выражения того, что высказываемое утверждение основывается не на точном знании, а на предположении. То есть эти модальные слова также являются экспликатами проблематической достоверности, но с одним отличием: подчёркивается, что говорящий весьма уверен в своем предположении. Данный момент позволяет сделать вывод, что рассмотренные слова выражают разную степень проблематической достоверности, то есть занимают разное положение на МШСД: высказывания с модальными словами второй условной группы хоть и находятся в смысловом пространстве проблематической достоверности, но от полюса отрицания будут находиться дальше, нежели высказывания с модальными словами первой условной группы. *Уж, должно быть, давно дергала рыба, удагнулась дугой* (Е.И. Замятин. Север (1918)); *Приличная внешность обоих,*

должно быть, успокоила её (А.И. Куприн. Гранатовый браслет (1911)); *Боялись, надо думать, что тогда золото больше будет утекать к тайным купцам* (П.П. Бажов. Рудяной перевал (1947)); *Побои и ругань, надо думать, возымели действие на малолетнего Гришку* (М.А. Шолохов. Тихий Дон. Книга третья (1928-1940)).

Таким образом, мы рассмотрели понятие МШСД, предприняли попытку схематического её представления и проанализировали, как МС со значением персуазивности могут условно фиксировать высказывания на данной шкале. В результате исследования мы выяснили, что высказывания с категорической достоверностью тяготеют к смысловому полюсу утверждения, а высказывания с проблематической достоверностью к смысловому полюсу отрицания. Был обозначен ряд текстовых функций МС со значением персуазивности: 1) репрезентация точки зрения говорящего; 2) прагматическое воздействие на адресата; 3) коррекция положения высказывания на МШСД в пределах контекста (текста).

Также выяснилось, что МС со значением проблематической достоверности семантически неоднородны и выражают разную степень авторского сомнения. Это значит, что высказывания с такими МС будут занимать разную позицию на МШСД в смысловом пространстве предположения (рис. 2). Что касается МС со значением категорической достоверности, то в их семантике значительных различий, влияющих на положение на МШСД, не выявилось.

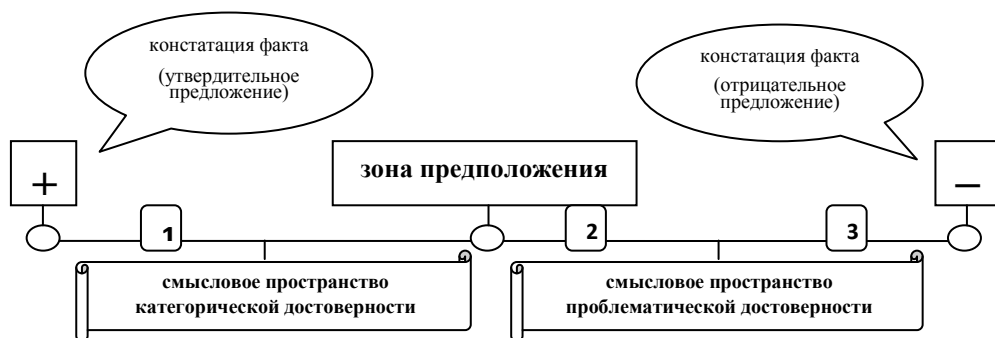


Рис. 2. Абстрактное представление местонахождения высказываний с МС со значением категорической и проблематической достоверности на МШСД: 1 – высказывания с МС со значением категорической достоверности; 2 – с МС со значением проблематической достоверности 2 условной группы (*надо думать, должно быть*); 3 – с МС со значением проблематической достоверности 1 условной группы

3.2. Функции модально-персуазивных частиц в тексте

Модально-персуазивные частицы, наряду с модальными словами со значением персуазивности, являются одним из основных средств выражения субъективно-модальных значений достоверности – вероятности. Вместе МС и МПЧ составляют обширный инструментарий для выражения степени авторской уверенности в сообщаемом: многообразие слов данных групп, их яркая семантика способны передать весь спектр возможных оттенков уверенности / сомнения говорящего. Также стоит учитывать тот факт, что семантика МС и МПЧ непостоянна и может по-разному проявляться в каждом конкретном контексте. Несмотря на то, что МС и МПЧ имеют свои отличия, на семантическом уровне они заметно сближаются, и порой разграничение МС и МПЧ может быть затруднено. Как экспликации категорической / проблематической достоверности – авторского взгляда на излагаемую информацию, МС и МПЧ в текстообразовании выполняют схожие функции, потому целесообразно рассмотреть тот же ряд функций и для модально-персуазивных частиц.

Модально-персуазивные частицы также имеют способность вводить высказывание в разряд квалификативных. Модальная частица как субъективный квалификатор способна перевести нейтральное высказывание в разряд модально окрашенных, придать ему оценочную линию. МПЧ выступают здесь как репрезентаторы точки зрения говорящего [Нагорный, 2017, с. 17].

Высказывания с модальными частицами обладают контрастной субъективностью, позиция говорящего в них намеренно актуализирована, такое высказывание коммуникативно выразительно. Стоит учитывать, что в различных коммуникативных ситуациях одна и та же модальная частица может эксплицитно обозначать разную степень достоверности сообщаемого с позиций говорящего. Вводя в своё высказывание модальный квалификатор, автор имеет целью обозначить не определенную степень вероятности, а именно факт вероятности как интерпретацию своего мнения относительно

сообщаемого. *Ошибка словно* отрезвила его, он встал, подвинулся к покойнику и, придерживая бороду, наклонился над ним (Максим Горький) – нахождение данного МПЧ в высказывании квалифицирует его по показателю достоверности / недостоверности сообщаемого, вносится семантика обоснованного предположения. *Может, разум и заблуждается в исканиях своих, но бараном жить едва ли* достойно и праведно для человека (Максим Горький) – в высказывание привнесена оценка с точки зрения достоверности сообщаемого, говорящим выражается обоснованное сомнение в достоверности. *В хлопотах и дорожных сборах она как будто совсем не помнила горя* (И.А. Гончаров) – высказывание содержит модально-персуазивную квалификацию, выражается слабо обоснованное предположение. *Игра в «носки» была едва ли не единственным развлечением стариков* (В.Я. Брюсов) – выражается семантика избыточного предположения.

Модально-персуазивные частицы, как и модальные слова, обладают корректирующей функцией» [Нагорный, 2014, с. 13]: способны фиксировать высказывание на уже упоминавшейся МШСД. МПЧ – выразители самого разного рода смыслов уверенности / неуверенности в высказывании, степени авторской уверенности в сообщаемом. В смысловом пространстве проблематической достоверности высказывания с МПЧ имеют своё местоположение, близкое к положению высказываний с МС проблематической достоверности. Например, собственно-предположительными и сравнительно-предположительными модальными частицами выражается подобная степень проблематической достоверности, что и МС *наверное, возможно, может быть*, соответственно на МШСД высказывание с собственно-предположительными МЧ условно располагается там же, где и высказывания с упомянутыми МЧ. Это говорит о том, что данные МС и МПЧ в совокупности представляют одну и ту же градуальную ступень авторского сомнения, иными словами – аналогичную степень авторского сомнения. *Ступай, батюшка, отсюда, зайди куда-нибудь, встань*

за дверь в угол и поплачь, вспомни свою прежнюю невинность, авось бог простит (Ф.М. Достоевский) – МЧ смещает высказывание в семантическое поле проблематической достоверности в пределах МШСД, выражается предположение говорящего. *Сам-то небось тоже, как воробей, влюблен – отец с сыном в один предмет* (Ф.М. Достоевский) – высказывание в пределах МШСД располагается в семантическом поле проблематической достоверности, имеет место семантика предположительности – обоснованное предположение. *Холодный пот выступил на лице его; он хотел отойти, но чувствовал, что ноги его как будто приросли к земле* (Н.В. Гоголь) – высказывание фиксируется в зоне проблематической достоверности, выражается обоснованное предположение, присутствует оттенок кажимости. *Странное дело – тяжело, а воспоминания как будто приятные* (Ф.М. Достоевский) – высказывание со слабо обоснованным предположением. *Ошибка словно отрезвила его, он встал, подвинулся к покойнику и, придерживая бороду, наклонился над ним* (Максим Горький) – выражается обоснованное предположение. Таким образом, выявляется, что важную роль в определении степени авторской уверенности играет контекст: одна и та же МПЧ под влиянием контекста выражает разную степень проблематической достоверности. Обоснованное и слабо обоснованное предположение – тоже показатели градуальности авторского взгляда, несмотря на то, что оба эти высказывания будут находиться в смысловом пространстве проблематической достоверности в пределах МШСД, слабо обоснованное предположение будет больше смещено к смысловому полюсу отрицания.

В свою очередь сомнительно-предположительные МПЧ в сравнении с предыдущими упомянутыми разрядами – проявление другой степени проблематической достоверности. Говорящий в этом случае не просто выдвигает предположение относительно положения дел, но и в изрядной степени сомневается в возможности происхождения события, проявления признака. В пределах МШСД высказывание с такими частицами будет

занимать позицию еще более приближенную к полюсу отрицания. Можно сказать, что по ступени проявления проблематической достоверности частицы *едва ли, вряд ли* могут быть заменены на «скорее всего не..»: *Доктор, захавший после обеда, объявил, что **вряд ли** Матвей Егорыч проживет до утра* (И.И. Панаев) (***вряд ли** проживет до утра – скорее всего не проживет до утра*); *Дерево **вряд ли** даже годилось на дрова* (Д.В. Григорович); *Десять нумеров – это **едва ли** одна стомиллионная часть массы Единого Государства, при практических расчетах – это бесконечно малая третьего порядка* (Е.И. Замятин) – обоснованное сомнение.

Модальные частицы эвиденциально-предположительного разряда также относятся к семантическому полю проблематической достоверности. Несмотря на то, что употребляются такие МЧ с целью указать на источник речи, семантика проблематической достоверности всё же выявляется. Происходит это потому, что говорящий намеренно избрал данный способ преподнесения информации: он предупреждает о том, что передает информацию «из чужих уст», что уже само по себе может обозначать, что достоверность данного высказывания либо точность его формулировки под вопросом. Указывая на источник информации, говорящий может снимать с себя ответственность за достоверность сообщаемого. *Небось, не спросил обо мне: что, **дескать**, жива ли тетка* (И.С. Тургенев); *Обеспечь меня, **дескать**, во всем, чтобы я блистала в обществе, тогда я тебя и стану любить* (А.Н. Островский).

Посредством модально-персуазивных частиц также осуществляется речевое воздействие на адресата [Нагорный, 2017, с.17].

Сопоставление нейтрального высказывания с утверждением / отрицанием и высказывания с модально-персуазивными частицами показывает, что вторые высказывания обладают яркой оценочностью, передают авторскую точку зрения относительно происходящего и таким образом призывают адресата к этой точке зрения присоединиться. Говорящий обладает богатым инструментарием, комплексом речевых ресурсов для того,

чтобы передать даже тонкие оттенки своей оценки, эмоциональную окраску своего мнения относительно сообщаемой информации. Эмоционально и оценочно окрашивая своё высказывание говорящий стремится сформировать и столь же эмоциональный отклик у лица, воспринимающего текст. Это можно расценить, как организация текста на его «выходе», т. е. на уровне восприятия текста адресатом. Говорящий таким образом будто указывает, как именно воспринимать и интерпретировать информацию адресату. *Мне решительно всё равно, но на детей такие выходки едва ли могут действовать воспитательно* (Л.Н. Андреев.) – обоснованное сомнение с оттенком неодобрения; *Будто нельзя договориться и обойтись без вооруженного захвата* (Н.А. Островский) – предположение с оттенком недоумения; – *А посмотри, Иван, кажется, у меня на носу как будто прыщик* (Н.В. Гоголь); – обоснованное предположение с оттенком кажимости; *Авось в другой раз будете поосторожней и не станете делать ненужных глупостей* (А.П. Чехов) – предположение с оттенком поучительности; *Кабы ты не лез, куда тебе не следует, да не болтал бы чепухи девчонке, ничего бы худого не случилось* (А.И. Куприн) – обоснованное предположение с оттенком неодобрения; *Дети...когда я думаю о них, у меня в груди точно колокол звучит...дети, дети* (Максим Горький) – предположение-гиперболизация, сравнение. – *Кабы этот ваш мужичок поторопился прийти к нам* (Максим Горький) – пренебрежение, неодобрение;

Таким образом, выясняется, что модальные частицы со значением персуазивности эксплицируют в высказывание семантику разной степени проблематической достоверности: от собственно предположения до глубокого сомнения, вплоть до непосредственной близости к отрицанию. Также посредством МПЧ высказывание получает яркую субъективную окрашенность, воздействующую на воспринимающего текст, его состояние.

Выводы по III главе

В данной главе было детально рассмотрено понятие персуазивности, была исследована модальная шкала степеней достоверности (МШСД), а также предпринята попытка обоснования её схематического изображения. Исследуя семантическое пространство между «полюсами» утверждения и отрицания, мы выяснили, что модальные слова со значением персуазивности и модально-персуазивные частицы имеют способность фиксировать высказывания в смысловом поле категорической (тяготеющая к полюсу утверждения) или проблематической (тяготеющая к полюсу отрицания) достоверности. Так проявляется корректирующая функция данных групп слов.

Посредством МС и МПЧ также может быть оказано прагматическое влияние говорящим на адресата (воспринимающего текст лица). В таком случае производитель речи намеренно применяет включение в своё высказывание экспликат собственного мнения относительно сообщаемого, чтобы побудить адресата разделить эту точку зрения, принять её. Воздействуя, субъект речи формирует определенного рода интерпретацию со стороны адресата, имеет целью вызвать у адресата ответную эмоциональную реакцию.

Другая важная функция МС и МПЧ – возведение высказываний в разряд квалификативных. Высказывание приобретает статус квалификативного, когда в качестве его составляющей фиксируются средства выражения авторской позиции относительно конкретного события (предмета, явления), о котором и ведется речь в данном высказывании. МС и МПЧ в этом случае – отсылка к самому создателю текста, так как они являются выразителями его ментальной сферы, его личности, сознания, а все эти факторы самым непосредственным образом влияют на текстообразование. Комплекс таких авторских точек зрения, выраженных как модальными словами со значением персуазивности, так и модально-персуазивными частицами, пронизывает весь текст, именно на уровне выражаемой точки зрения происходит своего рода взаимодействие говорящего и адресата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с целями и задачами проведенного исследования мы проанализировали научно-методическую литературу по теме «категория модальности». Это позволило установить, что категория модальности – сложный феномен, состав значений и языковая природа которого рождает самые различные, порой противоречивые точки зрения. Многие лингвисты включают в состав модальности разнородные по функциональному назначению и по своей сущности значения, что делает исследуемую категорию неопределенной, её рамки размытыми.

Проблема категориальной сущности модальности рассматривается не только в лингвистике, но и в логике, так как модальность – область языковых явлений, непосредственно связанная с мышлением и логическим строем. Само понятие «модальность» заимствовано лингвистикой из формальной логики.

В нашем исследовании мы проследили связь категории модальности с категорией оценочности. Так как соотношение категории модальности и категории оценочности в первую очередь зависит от объема понятия модальности, считаем важным подчеркнуть, что мы придерживаемся широкого понимания модальности и считаем правомерным учитывать и рассматривать все шесть типов модальных значений, в которых отражается действительность в представлении говорящего. Именно обязательное наличие говорящего и его отношение к высказыванию и соотнесенность с реальным миром – то, что объединяет оценку и модальность и определяет частичное включение оценочного значения в модальное. Также рассматривалось соотношение категории модальности с эмоциональностью. Был сделан следующий вывод: эмоция задает определенный угол зрения субъекта, провоцирует положительную или отрицательную модальность; эмоциональное состояние говорящего активизирует его аксиологическую деятельность, провоцируя категоричность оценочного содержания, гиперболизацию достоинств и недостатков оцениваемого предмета или лица и т. д.

В работе учитывалась дифференциация модальности на объективную и субъективную. Помимо обязательного для каждого предложения объективно-модального значения, конкретное предложение может нести в себе добавочное субъективно-модальное значение, которое образует понятие оценки, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной реакции.

Выявлено, что модальные значения могут выражаться как грамматическими, так и лексическими средствами. К последним относятся модальные слова и частицы. Их основное назначение в языке – внесение в смысловую структуру высказывания целого ряда оттенков, выражающих отношение говорящего лица к сообщаемой им информации. Это такие значения, как уверенность – неуверенность, определенность – неопределенность, эмоционально-экспрессивная оценка, акцентирование (подчеркивание, усиление).

Модальные слова и частицы многофункциональны и эксплицируют в речевом высказывании множество субъективных смыслов, семантика данных групп слов достаточно обширна и красочна. Более того, семантика не является конечной, фиксированной: попадая в различные контексты, МС и МПЧ способны по-разному видоизменять смысловой оттенок высказывания. Это еще раз подчеркивает многофункциональность модальных слов и частиц и богатство модальных значений, выражаемых этими словами.

При изучении параметров реализации в тексте модальных значений персуазивности выяснилось, что модальные слова могут выражать категорическую и проблематическую достоверности. В результате анализа средств выражения достоверности через призму указанных особенностей, удалось сделать вывод о том, что модальные слова могут выражать разные степени достоверности сообщаемого. Таким образом, мы можем сказать, что модальные слова несут оценку излагаемых фактов с точки зрения субъективной модальности, а также служат для выражения достоверности /

недостовренности сообщаемого, показывают степень уверенности говорящего в его реальности.

В ходе исследования также было выявлено, что модальные слова семантически не совсем идентичны. Так, опираясь на Словарь структурных слов русского языка, внутри группы слов, отражающих категорическую достоверность, мы условно выделили еще несколько групп.

Также было рассмотрено понятие МШСД, предпринята попытка схематического представления МШСД. В частности, был проведен анализ того, как модальные слова со значением персуазивности и модальные частицы могут условно фиксировать высказывания на данной шкале. В результате анализа выяснилось, что высказывания со значением категорической достоверности тяготеют к смысловому полюсу утверждения, а высказывания со значением проблематической достоверности к смысловому полюсу отрицания.

Кроме того, был обозначен ряд текстовых функций МС и МПЧ:

1. Репрезентация точки зрения говорящего;
2. Прагматическое воздействие на адресата;
3. Коррекция положения высказывания на МШСД в пределах контекста (текста).

Также выяснилось, что в семантике модальных слов и частиц со значением категорической достоверности значительных различий, влияющих на положение на МШСД, не выявляется. Тогда как модальные слова и частицы со значением проблематической достоверности семантически неоднородны и выражают разную степень авторского сомнения. Это значит, что высказывания с такими модальными словами и частицами будут занимать разные позиции на МШСД в смысловом пространстве предположения. Таким образом, экспликации проблематической достоверности, их градуированная семантика – обширное поле для новых лингвистических исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алисова, Т.Б. Дополнительные отношения модуса и диктума [Текст] / Т.Б. Алисова // Вопросы языкознания. – 1971. – №1.
2. Анипкина, Л.Н. Оценочные высказывания в прагматическом аспекте [Текст] / Л.Н. Анипкина // Филологические науки. – 2000. – №2.
3. Арутюнова, Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Т.32. – 1973. – №1.
4. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: Логико – семантические проблемы [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976.
5. Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Т.40. – 1981. – №4.
6. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988.
7. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999.
8. Аспекты семантических исследований [Текст] / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1980.
9. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1969.
10. Бабайцева, В.В. Явления переходности в грамматике русского языка [Текст] / В.В. Бабайцева. – М.: Дрофа, 2000.
11. Базалина, Е.Н. Семантико-синтаксические средства выражения модальности в художественном тексте (сопоставительный анализ немецкого и русского языков) [Текст] : автореф. дис. канд. филол. наук / Е.Н. Базалина. – Краснодар, 2001.
12. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст] / Ш. Балли. – М. : изд-во иностр. литер., 1955.
13. Беличова-Кржижкова, Е. О модальности предложения в русском языке [Текст] / Е. Беличова-Кржижкова // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М.: изд-во Московск. ун-та, 1984.

14. Беляева, Е.И. Модальность в различных типах речевых актов [Текст] / Е.И. Беляева // Филологические науки. № 3, 1987. С 64-67.
15. Бондаренко, В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке [Текст] / В.Н. Бондаренко // Филологические науки. 1979. № 2. С. 20-35.
16. Бондарко, А.В. Специфика семантики [Текст] / А.В. Бондарко // Семантика языковых единиц. Т. 1, М., 1998.
17. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика [Текст] / А.В. Бондарко. – Л. : Наука, 1984.
18. Бордович, А.М. Модальные слова в современном русском литературном языке [Текст] : автореф. дис. канд. филол. наук / А.М. Бордович. – Минск, 1956.
19. Буглак, С.И. Модальные слова и частицы как средство выражения подтверждения или опровержения достоверности сообщаемого [Текст] / С.И. Буглак // Русский язык в школе. – 1990 – №2. С.82-87.
20. Варшавская, А.И. Смысловые отношения в структуре языка [Текст] / А.И. Варшавская. Л., 1984.
21. Виноградов, В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике [Текст] / В.В. Виноградов. – М., 1975.
22. Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке [Текст] / В.В. Виноградов // Труды института русского языка. – Т.2. – М. – Л. : АН СССР, 1950.
23. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В.В. Виноградов. – М., 1947.
24. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения [Текст] / Т.Г. Винокур. – М. : Наука, 1993. – 172 с.
25. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е.М. Вольф. – М. : Наука, 1985.
26. Гак, В.Г. Языковые преобразования [Текст] / В.Г. Гак. – М. : Языки русской культуры, 1998.

27. Галкина-Федорук, Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке [Текст] / Е.М. Галкина-Федорук // Сборник статей по языкознанию. М. : изд-во МГУ, 1958. – С. 103-124.

28. Гвоздев, А.Н. Современный русский литературный язык. Синтаксис [Текст] / А.Н. Гвоздев. – 4-е изд. М. : Просвещение, 1973.

29. Дешериева, Т.И. О соотношении модальности и предикативности [Текст] / Т.И. Дешериева // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1987. – №1.

30. Золотова, Г.А. О категории оценки в русском языке [Текст] / Г.А. Золотова // Русский язык в школе. – 1980. – №2.

31. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка [Текст] / Г.А. Золотова. – М. : Наука. 1973.

32. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса [Текст] / Г.А. Золотова. – М. : Наука, 1982.

33. Ивин, А.А. Основания логики оценок [Текст] / А.А. Ивин. – М. : изд-во МГУ, 1970.

34. Казанцева, Ю.С. Языковая модальность и ее теоретическое освещение в русской и зарубежной лингвистике [Текст] / Ю.С. Казанцева // Перевод и сопоставительная лингвистика: Периодический научный журнал. № 2 / Уральский гуманитарный институт. Екатеринбург, – 2005 – С.94-95.

35. Киселев, А.Е. О некоторых случаях выражения категории модальности в русском языке [Текст] / А.Е. Киселев // Изв. Крымского пед. ин-та. Симферополь, 1957.

36. Колесникова, С.М. Русские частицы: семантика, грамматика, функции: монография [Текст] / С.М. Колесникова. – М.: Флинта : Наука, 2012. – 112 с.

37. Колшанский, Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности [Текст] / Г.В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1961.– №1.

38. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке [Текст] / Г.В. – М. : Наука, 1975.

39. Коммуникативная грамматика русского языка [Текст] / под ред. Г.А. Золотовой. – М. : изд. МГУ, 1998.
40. Кормилицына М.А., Новоженова З.Л. Семантическая структура предложения в русском языке [Текст] / М.А. Кормилицына. Саратов, 1985.
41. Крейдлин, Г.Е., Поливанова А.К. О лексикографическом описании служебных слов русского языка [Текст] / Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 1987. – №1.
42. Лекант, П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке [Текст] / П.А. Лекант. М., 1986.
43. Ломтев, Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка [Текст] / Т.П. Ломтев. М. : Учпедгиз, 1958.
44. Ломтев, Т.П. Предложение и его грамматические категории [Текст] / Т.П. Ломтев. – М. : Изд. МГУ, 1972.
45. Мельчук, И.А. Русский язык в модели “Смысл \Leftrightarrow Текст” [Текст] / И.А. Мельчук. – М.: Языки русской культуры, 1996.
46. Мещанинов, И.И. Члены предложения и части речи [Текст] / И.И. Мещанинов. М., 1945.
47. Мещеряков, В.Н. К вопросу о модальности текста [Текст] / В.Н. Мещеряков // Филологические науки. – 2001. – № 4.
48. Мирович, А. Основные функции частиц в современном русском языке [Текст] / А. Мирович // Лексикографический сборник. – Вып. V, 1962.
49. Нагорный, И.А. Выражение предикативности в предложениях с модально-персуазивными частицами [Текст] : дис. докт. филол. наук / И.А. Нагорный. М., 1999.
50. Нагорный, И.А. Коммуникативно-прагматические функции русских частиц как инструментариев межкультурной коммуникации [Текст] / И.А. Нагорный // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2017. – № 1(21). С. 15–24.
51. Нагорный, И.А. Корректирующая функция модально-персуазивных частиц [Текст] / И.А. Нагорный // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2014. №26 (197). Вып. 24. С. 13-21.

52. Нагорный, И.А. Семантика частиц *едва ли, вряд ли* [Текст] / И.А. Нагорный // Русский язык в школе. – 1993. – №2.
53. Нагорный, И.А. Предикативные функции модально-персуазивных частиц [Текст] / И.А. Нагорный. – Барнаул : Изд. БГПУ, 2000.
54. Немец, Г.П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке [Текст] / Г.П. Немец. – Ростов-на-Дону : Изд. Рост. ун-та, 1991.
55. Немец, Г.П. Семантика метаязыковых субстанций. Монография [Текст] / Г.П. Немец. – Краснодар, 1999.
56. Немец, Г.П. Семантико-синтаксические средства выражения модальности в русском языке [Текст] / Г.П. Немец. – Ростов-на-Дону : изд. Рост. ун-та, 1989.
57. Остроумов, В.Б. Коммуникативная единица, фраза и предложение [Текст] / В.Б. Остроумов // Сложное предложение в языке и речи. Краснодар, 1973.
58. Панфилов, В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения [Текст] / В.З. Панфилов // ВЯ, 1977. – №4.
59. Петров, Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности [Текст] / Н.Е. Петров. – Новосибирск: Наука, 1982.
60. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А.М. Пешковский. 3-е изд. М., 1956.
61. Подручная, Л.Ю. Средства выражения модального значения возможности в языке русского фольклора (функционально-семантический анализ) [Текст] : автореф. дис. канд. филол. наук / Л.Ю. Подручная. – Калининград, 2012.
62. Путеводитель по дискурсивным словам [Текст] / Баранов А.Н., Плугнян В.А., Рахилина Е.В. – М. : Помовский и партнеры, 1993.
63. Разлогова, Е.Э. Модальные слова и оценка степени достоверности высказывания [Текст] / Е.Э. Разлогова // Русистика сегодня. – 1996. – №3. – С. 21-47.

64. Распопов, И.П. Заметки о синтаксической модальности и модальной квалификации предложения [Текст] / И.П. Распопов // Синтаксис и интонация. Вып. 2. Уфа, 1973.

65. Распопов, И.П. К вопросу о модальности предложения [Текст] / И.П. Распопов // Ученые записки Благовещенского педагогического института. – Т. 8. – Благовещенск : изд. Благовещ. пед. ин-та, 1957.

66. Розенталь, Д.Э. Современный русский язык [Текст] / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. 11-е изд. – М. : Айрис-пресс. – 2010.

67. Русская разговорная речь / Отв. ред. Е.А.Земская. – М.: Наука, 1973.

68. Словарь структурных слов русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. – М.: Лазурь, 1997.

69. Солганик, Г.Я. О модальном значении синтаксических конструкций [Текст] / Г.Я. Солганик // Русский язык в школе. – 1988. – № 5. – с. 117.

70. Стародумова, Е.А. Русские частицы : Учебное пособие [Текст] / Е.А. Стародумова. – Владивосток : изд-во Дальневост. ун-та, 1997. – 68 с.

71. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность [Текст] / Под ред. А.В. Бондарко. – Л. : Наука, 1990.

72. Трунова, О.В. Природа и языковой статус категории модальности (На материале английского языка) [Текст] / О.В. Трунова. – Барнаул; Новосибирск : изд. БГПИ, НГПИ, 1991.

73. Чесноков, П.В. Предикативность и модальность как семантические признаки предложения [Текст] / П.В. Чесноков // Единицы морфологии и синтаксиса в семантическом аспекте. Ростов-н/Д., 1979.

74. Шведова, Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи [Текст] / Н.Ю. Шведова. – М. : АН СССР, 1960.

75. Шведова, Н.Ю. Русская грамматика [Текст] / Н.Ю. Шведова. – М : Наука, 1980.

76. Шмелева, Т.В. Семантический синтаксис [Текст] / Т.В. Шмелева. – Красноярск : изд. КГУ, 1988. – 54.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алданов, М.А. Чертов мост (1925).
2. Альбов, М.Н. На точке (1888).
3. Андреев, Л.Н. Иго войны (1916).
4. Арсеньев, В.К. Сквозь тайгу (1930).
5. Бажов, П.П. Рудяной перевал (1947).
6. Богомолов Владимир. Иван (1957).
7. Брюсов, В.Я. Через пятнадцать лет (1909).
8. Булгаков, М.А. Мастер и Маргарита (1929-1940), Записки покойника (Театральный роман) (1936-1937), Полотенце с петухом (1926), Крещение поворотом (1925).
9. Бунин, И.А. Грамматика любви (1915), Господин из Сан-Франциско (1915).
10. Быков, Василь. Бедные люди (1998).
11. Вахтин, Б.Б. Так сложилась жизнь моя... (1960-1963).
12. Газданов, Г.А. Вечер у Клэр (1930).
13. Гайдар, А.П. Дальние страны (1931).
14. Гоголь, Н.В. Портрет (1842).
15. Гончаров, И.А. Май месяц в Петербурге (1891), Обыкновенная история (1847).
16. Горький, Максим. Чарли Мэн (1906).
17. Григорович, Д.В. Переселенцы (роман из народного быта) (1885).
18. Достоевский, Ф.М. Крокодил (1865), Идиот (1868).
19. Ефремов, И.А. Озеро горных духов (1942-1943)
20. Замятин, Е.И. Слово предоставляется товарищу Чурыгину (1922), Север (1918), Мы (1924).
21. Казакевич, Э.Г. Звезда (1946).
22. Катаев, В.П. Время, вперед! (1931-1932), Вещи (1929), Театр(1934).
23. Кетлинская, В.К. Мужество (1934-1938).
24. Короленко, В.Г. Мороз (1900-1901).

25. Куприн, А.И. Гранатовый браслет (1911), На переломе (Кадеты) (1900).
26. Леонов, Л.М. Русский лес (1950-1953).
27. Лермонтов, М.Ю. Герой нашего времени (1839-1841).
28. Мамин-Сибиряк, Д.Н. Приеммыш (1893). Клад (1889).
29. Нагибин, Ю.М. Эхо (1960-1964).
30. Олеша, Ю.К. Книга прощания (1930-1959).
31. Окуджава, Булат. Будь здоров, школяр (1960-1961).
32. Осеева, Валентина. Динка (1959).
33. Островский, Н.А. Как закалялась сталь (1930-1934), Рожденные бурей (1934-1936), Гроза (1860).
34. Панаев, И.И. Раздел имения (1850-1860).
35. Панова, В.Ф. Евдокия (1944-1959).
36. Пастернак, Б.Л. Воздушные пути (1933), Доктор Живаго (1945-1955).
37. Паустовский, К.Г. Повесть о жизни. Время больших ожиданий (1958), Орест Кипренский (1936), Золотой линь (1936).
38. Пермяк, Евгений. Бабушкины кружева (1955-1965).
39. Пильняк, Б.А. Три брата (1923-1928).
40. Платонов, А.П. Государственный житель (1929), Епифанские шлюзы (1927).
41. Пришвин, М.М. Кладовая солнца (1945), Серая сова (1938), Кэт (1925).
42. Пушкин, А.С. Капитанская дочка (1836).
43. Салтыков-Щедрин, М.Е. Святочный рассказ (1858).
44. Симонов, Константин. Живые и мертвые (1955-1959).
45. Толстой, А.Н. Черная пятница (1924). Хождение по мукам/ Книга вторая. Восемнадцатый год (1928). Хождение по мукам/ Книга третья. Хмурое утро (1941), На рыбной ловле (1923), Детство Никиты (1919-1922).
46. Толстой, Л.Н. Отрочество (1854).

47. Тургенев, И.С. Хорь и Калиныч (1847), Певцы (1850), Живые мощи (1874).
48. Тынянов, Ю.Н. Смерть Вазир-Мухтара (1928), Пушкин (1935-1943).
49. Фадеев, А.А. Молодая гвардия (1943-1951).
50. Федорова, Нина. Семья (1952).
51. Фет, А.А. Осенние хлопоты (1862).
52. Ходасевич, В.Ф. Жизнь Василия Травникова (1936).
53. Чехов, А.П. Скрипка Ротшильда (1894), Крыжовник (1898).
54. Шишков, В.Я. Угрюм-река (1928-1933). Емельян Пугачев (1939-1945).
55. Шолохов, М.А. Тихий Дон. Книга вторая (1928-1940), Поднятая целина (1959).